

ОБСЕРВАТОР

В ОБСЕРВАТОРЕ СЛАБОСТЬ — КОНТЕНТ.
ПРЕДАТЕЛЬСТВО — ВАЛЮТА.
ЛЮБОВЬ — **СВОЙ СИСТЕМЫ.**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Белладонна Белладонна

Обсерватор

<https://litres.ru/74163019>

SelfPub; 2026

Аннотация

В Обсерваторе никто не умирает в одиночестве. За каждым криком следят камеры, за каждым предательством — зрители, за каждой слабостью — голосование.

Айрис Вейл становится новой участницей закрытого шоу для тех, кто слишком богат, чтобы бояться закона. Здесь боль — развлечение, голод — инструмент, а милосердие быстро превращается в ошибку.

Люциан Блайт знает правила лучше всех. Он был любимцем зрителей, самым долгим выжившим и самым красивым доказательством того, что система умеет делать из людей чудовищ. Теперь он учит Айрис выживать: быть холоднее, лгать убедительнее и не просить пощады у тех, кто платит за её страх.

Но в слепых зонах, где камеры закрыты тканью, Люциан перестаёт быть легендой Обсерватора. А Айрис впервые может дрожать, плакать и оставаться человеком.

Чтобы выбраться, ей придётся сыграть роль, для которой он её подготовил: предать его перед всеми камерами.

Только Обсерватор ещё не знает, что иногда предательство — это единственный способ спасти.

Содержание

Глава 1. Протокол пробуждения	4
Глава 2. Гончие	45
Глава 3. Фаворит	70
Глава 4. Урок первый	96
Глава 5. Слепая зона	122
Конец ознакомительного фрагмента.	145

Белладонна Обсерватор

Глава 1. Протокол пробуждения

Айрис проснулась от красного света.

Он мигал под потолком тихо, ровно, почти ласково. Сначала она решила, что это пожарная сигнализация. Эта мысль продержалась несколько секунд — ровно до тех пор, пока зрение не стало чётче и она не увидела камеру.

Чёрный объектив был направлен прямо на неё.

Айрис не сразу поняла, что лежит на бетонном полу. Не сразу — что руки стянуты перед собой пластиковым хомутом. Не сразу — что во рту сухо, в висках пульсирует боль, а левая щека касается холодной пыли.

Она вдохнула. Воздух пах сыростью, металлом и дешёвой дезинфекцией. От запаха её слегка замутило.

Айрис дёрнула руками. Пластик впился в кожу.

— Чёрт

Голос вышел хриплым. Чужим.

Она резко села, и мир качнулся. Перед глазами поплыли четыре бетонные стены, металлическая дверь без ручки, узкое вентиляционное отверстие, белый свет под потолком и камера.

Камера всё ещё смотрела.

Айрис отползла назад, пока спина не ударилась о стену. Несколько секунд она просто сидела, прижимая связанные руки к груди, и заставляла себя дышать ровнее.

Вдох. Выдох. Ещё раз.

Паника поднималась быстро, горячо, к самому горлу. Хотелось кричать. Не словами даже — просто звуком, чтобы кто-нибудь услышал. Но объектив смотрел так неподвижно, что крик застрял в горле. Айрис вдруг стало стыдно. Глупо, дико, не вовремя — стыдно за то, что кто-то увидит её такой. Она подняла голову и посмотрела прямо в объектив.

— Что тебе надо? — выдохнула она в объектив. — Что? Ответа не было.

Айрис опустила взгляд и быстро проверила себя. Телефона не было. Сумки не было. Куртки не было. Карманы пустые. На ней остались только чёрные джинсы, тонкая кофта и ботинки. Волосы липли к лицу — тёмные, прямые, спутанные после неизвестно какого сна.

Она попыталась вспомнить, что было до этого.

Ничего.

Не темнота даже — пустое место, вырезанное из головы. Айрис знала своё имя. Помнила квартиру, телефон, вчерашние сообщения, чей-то голос в наушниках — но последнего часа не было. Или нескольких часов. Или суток.

Она сглотнула и почувствовала на языке горечь, химическую и чужую. Тело слушалось с задержкой: пальцы дрожа-

ли, колени были ватными, а свет под потолком расплывался по краям, будто глаза никак не могли сфокусироваться.

Её не просто привезли сюда. Её выключили. Больше ничего.

Айрис стиснула зубы и осмотрела комнату внимательнее.

Дверь. Вентиляция. Камера. Тёмная панель в стене — может, экран, может, просто ещё один кусок этого места. Углы. Потолок. Пол. Следы на бетоне.

Она заметила не сразу: у стены, почти под самой камерой, на полу были царапины. Старые, неровные. Кто-то до неё уже пытался сдвинуться, отползти, зацепиться ногтями за бетон. Значит, она была не первой. Эта мысль не успокоила. Но сделала страх более конкретным.

Айрис поднялась, едва не упав обратно. Ноги дрожали, но держали. Айрис вцепилась в это, как в доказательство, что тело ещё её. Она подошла к двери и ударила по ней связанными руками.

— Эй! Откройте! Вы ошиблись! Слышите? Откройте дверь!

Металл ответил глухим ударом. За дверью не было ни шагов, ни голосов. Только слабый гул, словно где-то далеко работала огромная машина.

Айрис приложила ухо к двери. Гул стал чуть отчётливее. Не вентиляция. Не обычное электричество. Что-то большое, глубокое, постоянное. Гул шёл отовсюду сразу: из пола, из стен, из двери без ручки. Она ударила снова, сильнее.

— Я сказала, откройте!

Динамик над дверью щёлкнул. Айрис замерла. На тёмной панели справа вспыхнула тонкая белая строка:

КУРАТОР СЕВЕРИН КРОФТ: АКТИВЕН

— Добро пожаловать в Обсерватор, Айрис Вейл.

Голос был мужским. Спокойным, мягким, вежливым. Таким голосом сообщают, что столик уже готов, пальто можно оставить у входа, а ужин начнётся через десять минут.

Именно поэтому Айрис стало страшнее.

— Кто вы? — спросила она. Горло саднило так, будто она уже кричала, хотя не помнила этого. — Где я?

— Северин Крофт, — ответил голос. — На ближайшее время — ваш куратор.

Айрис посмотрела на динамик над дверью, потом на камеру. Голос звучал слишком близко для человека, которого не было в комнате.

— Куратор чего?

— Вашего участия.

— Я ни в чём не участвую.

— Это распространённая первичная реакция.

— Я сказала, я не участвую.

— В Обсерваторе, мисс Вейл, отказ тоже считается формой участия.

Пауза длилась секунду. Может, меньше. Но камера успела чуть повернуться, ловя её лицо.

— Пожалуйста, посмотрите в объектив.

Айрис почувствовала, как внутри всё сжалось.

— Что?

— Наблюдатели хотят увидеть ваши глаза.

Холод прошёл от затылка к лопаткам.

— Какие ещё Наблюдатели?

— Первый взгляд всегда самый честный, мисс Вейл. Не усложняйте его.

Айрис отвернулась от камеры так быстро, что волосы ударили по лицу.

— Пошёл ты.

Голос не изменился.

— Отрицание. Агрессия. Дезориентация. Всё в пределах протокола пробуждения.

Айрис повернулась обратно.

— Протокола?

Динамик молчал.

— Нет, стойте. Какого ещё протокола? Кто вы такие?

Она вернулась к двери, но уже не ударила. Просто провела пальцами по металлу, пытаясь найти щель, замок, панель, хоть что-нибудь. Ничего. Гладкая холодная поверхность без ручки и без видимого механизма.

— Вы не имеете права держать меня здесь.

На этот раз голос ответил сразу:

— Право, мисс Вейл, крайне зависит от того, кто смотрит.

Айрис замерла. Спокойствие в ней звучало как приговор.

— Я не знаю, что это за больная игра, — сказала она мед-

ленно, стараясь, чтобы голос не сорвался. — Но вы ошиблись человеком.

— Это покажет сезон.

На стене справа вспыхнул экран.

До этого Айрис не заметила его: чёрная панель была вмонтирована прямо в бетон и выглядела частью стены. Сначала по ней прошла полоса помех. Потом появились белые буквы.

СЕЗОН НАБЛЮДЕНИЯ: 14

ДЕНЬ СЕЗОНА: 62

ОБЪЕКТ 27: АЙРИС ВЕЙЛ

СТАТУС: НОВАЯ ПЕРЕМЕННАЯ

ПЕРВИЧНАЯ РЕАКЦИЯ: УДОВЛЕТВОРИТЕЛЬНО

Айрис смотрела на экран и не могла сразу понять, что именно её ударило сильнее: номер сезона, слово «объект» или то, что её страх уже успели оценить.

Удовлетворительно. Будто она сдала тест. Будто её ужас был не ужасом, а показателем качества. Она сглотнула и заставила себя не отступить.

— Я не объект.

Камера едва заметно повернулась, будто прислушалась. Голос из динамика стал мягче.

— В Обсерваторе все начинают с этого возражения. Обычно оно проходит быстрее, чем жажда.

Айрис почувствовала, как ногти впились в ладони.

— Тогда запишите ещё одно. Я не собираюсь играть.

На экране мигнула новая строка.

ПОВЕДЕНЧЕСКОЕ СОПРОТИВЛЕНИЕ: ЗАФИКСИРОВАНО

ИНТЕРЕС НАБЛЮДАТЕЛЕЙ: +7%

Айрис замолчала. И впервые по-настоящему поняла: каждое её слово сразу становилось строкой на экране. И где-то за камерой кто-то решал, достаточно ли она интересна.

Она подняла взгляд к объективу.

— Это розыгрыш? — спросила она, но голос всё равно сорвался. — Это какой-то больной розыгрыш?

— Нет, мисс Вейл.

— Тогда что вам нужно?

— Ваше участие.

— В чём?

Экран моргнул.

ГОЛОСОВАНИЕ ОТКРЫТО

ПЕРВИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ ОБЪЕКТА 27

Ниже появились четыре строки:

- 1. ОСВОБОДИТЬ РУКИ**
- 2. ОСТАВИТЬ СВЯЗАННОЙ**
- 3. ВЫКЛЮЧИТЬ СВЕТ**
- 4. ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ**

Справа побежали проценты. Сначала Айрис решила, что это запись. Картинка, сделанная заранее. Ещё один способ напугать её, заставить поверить в игру, которой не может существовать. Потом цифры изменились.

ОСВОБОДИТЬ РУКИ — 18%

ОСТАВИТЬ СВЯЗАННОЙ — 21%

ВЫКЛЮЧИТЬ СВЕТ — 34%

ОТКРЫТЬ ДВЕРЬ — 27%

Проценты дёргались, росли, падали. Где-то там, за стенами, за камерами, за этим спокойным мужским голосом, кто-то принимал решение. Не о персонаже на экране. О ней.

Айрис попятилась от панели, пока спина не встретила бетон. Бетон был холодным, настоящим. Хомут на запястьях был настоящим. Боль в висках была настоящей.

Значит, и всё остальное могло быть настоящим тоже.

— Нет, — сказала она. — Нет, это не

Свет погас.

Комната исчезла. Не потемнела — исчезла. Стены, дверь, потолок, экран, собственные колени. Осталась только красная точка камеры под потолком, но через несколько секунд Айрис уже не была уверена, что видит её, а не додумывает.

Крик вышел сам, вырвался из груди коротко и грубо, царапнул горло до боли.

В следующую секунду Айрис зажала рот связанными руками так сильно, что зубы впились в кожу. Не из храбрости. Просто второй крик показался страшнее темноты. Если она закричит ещё раз — значит, это правда.

Сначала она считала вдохи. До тридцати получилось. Потом сбилась. Начала заново. Потом поняла, что считает слишком быстро, потому что паникует, и от этого стало хуже.

Ноги затекли. Запястья горели от хомута. Горечь во рту стала сильнее, к горлу подкатывала тошнота. Где-то рядом будто была стена, но когда Айрис протянула руку, пальцы нашли только пустоту, и она на секунду перестала понимать, сидит она или уже сползла на пол.

Десять секунд. Минута. Час. Она сбилась. Сколько прошло — пять минут или полчаса — понять было невозможно.

Когда динамик наконец щёлкнул, Айрис вздрогнула так сильно, что ударилась затылком о бетон.

— Наблюдатели выбрали темноту.

Айрис закрыла глаза, хотя темнее уже не могло стать.

— Передайте им, — прошептала она, — что у них хреновый вкус.

Ответа не последовало. Но где-то внутри экрана, которого она не видела, наверняка что-то изменилось. Проценты. Интерес. Оценка. Даже злость здесь не принадлежала ей полностью.

Свет включился слишком резко. Айрис зажмурилась, но всё равно увидела белые пятна под веками. Она не освещала комнату, аставляла её на показ. На экране сменился текст.

ПЕРВИЧНАЯ РЕАКЦИЯ: ВЫСОКИЙ ИНТЕРЕС
РЕКОМЕНДАЦИЯ: ПЕРЕВОД В КОРИДОР НАБЛЮДЕНИЯ

Айрис несколько секунд смотрела на эти строки, пока буквы не перестали расплываться. Высокий интерес. Значит, она всё-таки дала им то, чего они хотели.

Металлическая дверь щёлкнула. Айрис застыла. Дверь медленно открылась внутрь. За ней был коридор. Длинный, серый, узкий. Лампы под потолком горели холодным белым светом, а между ними через равные промежутки висели камеры. Их красные точки светились ровно, как цепочка маленьких глаз.

Айрис не двигалась. Она смотрела на открытый проход и понимала, что дверь не была спасением. Это был следующий выбор, просто без красивой надписи на экране.

Голос в динамике смягчился:

— Вы можете остаться в комнате, мисс Вейл. Но через четыре минуты она будет переведена в режим коррекции.

Айрис не сразу ответила. Она посмотрела на потолок, на камеру, на открытую дверь и обратно на экран.

— Что это значит?

— Вам не понравится.

— А коридор мне понравится?

Пауза.

— Коридор даст вам больше вариантов.

Она усмехнулась, но звук вышел чужой и хриплый.

— Какая забота.

Она сделала шаг к двери, но остановилась. Слишком просто. Слишком удобно. Открытая дверь, пустой коридор, голос, который не торопит. Они хотели, чтобы она вышла. Значит, в комнате оставаться тоже было нельзя.

Айрис опустила взгляд и заметила на полу возле выхода

маленький металлический блеск. Резак. Он лежал в открытом настенном лотке, будто его оставили специально для неё.

Она посмотрела на камеру.

— Это тоже часть голосования?

Голос не ответил.

Айрис подошла к резаку, не сводя глаз с камеры. Связанные руки слушались плохо, пальцы дрожали, но она заставила себя не спешить. Лезвие оказалось тупым, коротким, неудобным. Лезвие было тупым. Им можно было перерезать хомут, но не вскрыть дверь и не отбиться от человека.

Она поддела пластик хомута и надавила. С первого раза не вышло. Со второго — тоже. Пластик впился глубже, кожа на запястье заболела острее. Айрис выдохнула сквозь зубы, поменяла угол и надавила ещё раз. Хомут лопнул. Он упал на пол с тихим сухим щелчком. Айрис растёрла запястья, чувствуя, как кровь возвращается в пальцы покалыванием и болью.

На экране появилась новая строка:

НАБЛЮДАТЕЛИ ОДОБРЯЮТ САМООСВОБОЖДЕНИЕ

ИНТЕРЕС: +12%

Айрис сжала резак в руке. Против этого места он был смещен. Но это всё равно было лезвие.

— Я не участвую, — сказала она.

Динамик молчал.

И это молчание почему-то прозвучало насмешливее лю-

бого ответа.

Она вышла в коридор. Дверь за спиной закрылась сразу. Щёлк. Тихо. Почти аккуратно. От этого стало хуже.

Айрис обернулась и увидела, что на двери нет ручки и снаружи тоже. Только гладкий металлический лист, такой же холодный и безразличный, как голос из динамика. Она провела пальцами по стыку, попыталась найти щель, панель, скрытую кнопку, хоть что-нибудь, но дверь уже стала частью стены. Комната закрылась. Коридор остался единственным вариантом.

Айрис сжала в руке маленький резак. Лезвие было коротким и тупым, но всё равно лучше, чем ничего. Она спрятала его в ладони и пошла вперёд.

Каждый шаг бил по коридору громче, чем должен был. Бетон под ногами был холодным даже через подошвы. Свет над головой не мигал, не дрожал — горел ровно и безжалостно, как в операционной. Камеры висели через каждые несколько метров. Одни смотрели прямо, другие медленно поворачивались, будто выбирали лучший угол.

Айрис старалась не задерживать взгляд на объективах. Где-то далеко за стенами что-то ударило по металлу. Потом послышался крик. Мужской, короткий, оборванный так резко, словно звук просто отключили.

Айрис остановилась. Камера над ней повернулась. Красная точка поймала её лицо.

Айрис почувствовала, как тело просит отступить назад,

прижаться к стене, спрятаться, но заставила себя сделать следующий шаг. Если они хотели, чтобы она замерла под объективом, она не собиралась помогать.

На дверях по обеим сторонам были номера. Не комнаты — сектора.

В-12

В-13

В-14

Некоторые двери были чистыми. На других виднелись следы ударов, тёмные разводы, царапины у самого пола. Возле одной стены Айрис заметила обрывок ткани, застрявший в щели, и отвела взгляд раньше, чем успела понять, что именно увидела.

На двери В-14 кто-то процарапал ногтями:

НЕ ВЕРЬ ГОЛОСУ

Надпись была старая. Кривые буквы почти стёрлись под серой краской, но последнюю букву кто-то, кажется, дорезал уже по свежему слою. Айрис коснулась её пальцами. Краска осыпалась.

Из темноты справа донёсся шёпот:

— Не стой под камерой.

Айрис обернулась на шёпот. В нише между двумя выступами стены сидел парень. Худой, бледный, с разбитой губой и светлыми волосами, прилипшими ко лбу. Ему было лет девятнадцать, может, двадцать.

На вид — ещё слишком молодой для такого места. Не ре-

бёнок, но человек, которого слишком рано заставили перестать им быть. Он смотрел не на Айрис. На камеру над ней.

— Иди сюда, — прошептал он. — Быстро.

Айрис не сдвинулась. Вместо этого крепче сжала резак в ладони.

— Покажи руки.

Парень наконец посмотрел на неё. Моргнул.

— Что?

— Руки покажи. Обе. Медленно.

Он коротко, нервно усмехнулся, но руки поднял. Ладони были пустыми. На одном запястье темнел след от старого ожога или слишком тугой стяжки.

— Лучше? — спросил он.

— Кто ты?

— Тео.

Он сглотнул.

— Потом объясню. Сейчас отойди от камеры.

Камера повернулась следом. Красная точка скользнула по стене, по её плечу, по лицу. Парень вздрогнул.

— Сюда, дура, если хочешь, чтобы так и осталось.

Айрис хотела огрызнуться, но в его голосе было столько настоящего страха, что слова застряли в горле. Это не походило на ловушку. Ловушки здесь, кажется, говорили вежливо. Она шагнула к нише. Парень дёрнул её за рукав, но Айрис тут же выставила резак.

— Не трогай.

Он замер.

— Тогда сама быстрее.

Айрис вошла под выступ стены. Красная точка камеры сместилась, прошла по бетону рядом с её плечом и остановилась чуть выше. Объектив больше не смотрел ей прямо в лицо.

Парень выдохнул. Похоже, всё это время он и правда не дышал.

— Новая?

— А похоже, что я здесь по абонементу?

Теперь он посмотрел уже на неё, а не на камеру. Быстро, испуганно, с жалостью, от которой Айрис стало тошно.

— Я Айрис.

— Знаю. Они объявили.

— Кто они?

Тео сглотнул.

— Все.

Айрис почувствовала, как внутри снова поднимается паника, но сдержала её. Сейчас нельзя было развалиться. Не перед камерой. Не перед ним. Не здесь.

Она оглядела нишу. Узкое пространство между стенами, чуть темнее коридора. Камера не доставала сюда напрямую, но Айрис заметила ещё один объектив дальше, на повороте.

— Это безопасное место?

— Нет.

— Тогда почему ты здесь сидишь?

— Потому что есть места, где тебя видят полностью, и места, где им приходится догадываться. Это лучше.

Айрис посмотрела на него внимательнее. Он был слабым. Бледным до серости. Но не глупым. И точно не спокойным. Его взгляд всё время бегал: камера, коридор, потолок, снова камера. Он давно перестал смотреть на людей первыми. Сначала — камеры. Потом уже лица.

— Где мы? — спросила она.

Он усмехнулся — сухо, без звука.

— В Обсерваторе.

— Это не ответ.

— Я знаю. Но другого мне не дали.

Тео посмотрел на неё так, будто она потребовала у стены объяснить, почему она бетонная.

Айрис выдохнула. Тео посмотрел на неё с жалостью.

— Привыкнешь.

— Я не собираюсь привыкать.

Что-то в лице Тео дрогнуло. На секунду в нём мелькнуло сочувствие. Или зависть к человеку, который ещё мог так говорить.

— Все так говорят в первый день.

— Сколько ты здесь?

Он отвёл взгляд.

— Не считай дни.

— Почему?

— Сначала считаешь дни. Потом еду. Потом людей.

— А потом?

— Потом стараешься не помнить, сколько их было.

В конце коридора вспыхнула тонкая красная полоса света. Она медленно прошла по полу, по стенам, по дверям, будто сканировала пространство. Тео побледнел.

— Ниже, — прошептал он.

— Что?

Он дёрнул её вниз. Айрис едва не вскрикнула, но Тео зажал ей рот ладонью и тут же убрал, когда она больно ударила его локтем в бок.

— Тише! — выдохнул он, согнувшись от боли. — Просто сядь ниже.

Красная полоса прошла по краю ниши, задержалась на секунду и скользнула дальше. Камера над коридором повернулась вслед за ней.

Айрис сидела, прижавшись плечом к холодному бетону, и слышала, как быстро дышит Тео. Он помог ей. Не красиво, не героически, грубо и испуганно, но помог. Мог промолчать. Мог оставить её стоять под камерой. Не оставил.

— Что это было? — спросила она шёпотом.

Тео поморщился и потёр бок, куда она ударила.

— Проверка движения.

— И что было бы, если бы она меня увидела?

— Тебя бы отметили.

— Для чего?

Он посмотрел на неё так, будто ответ стоил больше, чем

он мог сейчас потратить.

— Чтобы потом легче было найти.

Айрис ненавидела такие ответы. Но ещё больше ненавидела, что они звучали как правда.

— Это была твоя ниша? — спросила Айрис.

Тео молчал.

— Была, — поняла она.

Он отвёл взгляд.

— Теперь уже нет.

Она опустила взгляд на его руку. Пальцы дрожали. Губа треснула, и по подбородку сползла тонкая полоска крови. Тео быстро вытер её рукавом. Даже кровь здесь, кажется, могла привлечь внимание.

— Ты ранен.

— Здесь все раненые.

Динамик над коридором щёлкнул. Оба замерли.

— Для новых участников открыт первичный рацион. Сектор С-4 доступен в течение трёх минут.

На стене впереди вспыхнула зелёная стрелка. Тео поднял голову. Айрис увидела, как изменилось его лицо. До этого в нём был страх. Теперь — голод. Жажда. Животная, стыдная, ужасно человеческая. Он тут же отвернулся, будто стыдился, что она заметила.

— Не ходи, — сказал он.

— Это для меня?

— Это для камеры.

Айрис проследила за его взглядом. Зелёный свет отражался в его глазах тускло и больно, как обещание, которому нельзя верить.

— Ты хочешь пить.

— Все хотят пить.

Он попытался сказать это спокойно, почти равнодушно, но голос подвёл. Слова вышли сухими, царапающими, будто каждое нужно было протащить через горло силой. Его губы были потрескавшимися до крови.

Тео шёл рядом, но Айрис всё чаще чувствовала, что не столько идёт с ним, сколько тащит его за собой. Его шаги сбивались. Плечо пару раз ударилось о стену. Он делал вид, что смотрит по сторонам, но на самом деле просто пытался не упасть.

У двери С-4 он остановился и вцепился пальцами в край проёма. Костяшки побелели.

— Ты сейчас рухнешь, — сказала Айрис.

— Не сейчас, — выдохнул он. — Потом.

Айрис посмотрела на зелёную стрелку. Потом на камеры.

— Это ловушка?

Тео коротко усмехнулся.

— Всё ловушка.

— Но там вода?

Он не ответил. Это и было ответом.

Айрис шагнула из ниши. Тео схватил её за рукав.

— Ты не поняла. Если они дают что-то легко, значит, цена

не там, где ты смотришь.

— Тогда скажи, где цена.

— Я не знаю. В этом и смысл.

Айрис посмотрела на его руку на своём рукаве. Пальцы были ледяными, дрожащими. Он держал её не сильно — у него почти не осталось сил, — но отчаянно.

— Ты мог оставить меня под камерой, — сказала она тихо.

Тео моргнул.

— Что?

— Мог промолчать. Мог не тянуть меня в нишу. Мог смотреть, как меня «отмечают», или что бы там ни было.

Он отвёл взгляд.

— Это другое.

— Нет. Это выбор.

Тео сжал челюсть.

— Здесь такие выборы плохо заканчиваются.

— Возможно.

Айрис высвободила руку, но уже мягче.

— Ты идёшь?

Он посмотрел на неё так, словно она только что предложила ему умереть вместе. Потом поднялся. Они двинулись так быстро, как позволял Тео. Камеры провожали их. Айрис чувствовала их движение кожей: лёгкие повороты объектов, красные точки, скользящие по стенам, её волосам, плечам, спине. Хотелось пригнуться, спрятать лицо, но она заставляла себя смотреть вперёд.

Он мог промолчать. Не промолчал. Айрис всё ещё чувствовала на рукаве место, за которое он дёрнул её в нишу.

Но если бы он промолчал, красная полоса прошла бы по её лицу. Если бы он остался в нише, она сейчас стояла бы с чужой меткой на коже и даже не понимала бы, что это значит.

Он уже заплатил за неё чем-то. Айрис не знала, чем именно. Но видела, как он теперь смотрит на коридор, где больше не было его укрытия.

Зелёная стрелка мигала в конце коридора так ярко, что на неё невозможно было не смотреть.

Сектор С-4 оказался маленькой комнатой с прозрачной дверью. За стеклом стояла металлическая тумба. На ней — две бутылки воды. Одна полная. Одна почти пустая. На стене мигал таймер.

02:11

Айрис остановилась перед дверью. Прозрачное стекло отражало её лицо: бледное, грязное, с прилипшими к щекам тёмными волосами. Позади неё отражался Тео. Он смотрел не на дверь. На бутылки. Нет, даже не на бутылки. На воду.

— Почему дверь прозрачная? — спросила Айрис.

Тео сглотнул.

— Чтобы им было видно.

— Что?

— Лицо, когда ты решаешь.

Таймер сменился.

02:03

Айрис толкнула дверь кончиками пальцев. Открыто. Слишком просто.

Она не вошла сразу. Осмотрела потолок, углы, пол, тумбу. Камера в комнате была одна — маленькая, круглая, встроенная в верхний угол. Ещё один красный глаз.

— Быстро, — прошептал Тео.

— Ты только что говорил не ходить.

— Я всё ещё так думаю.

— Тогда почему стоишь здесь?

Он не ответил. Айрис вошла первой. Ничего не произошло. Ни сирены. Ни закрывающейся двери. Ни голоса Северина. Только таймер и две бутылки на металлической тумбе. Айрис взяла почти пустую бутылку и покрутила в руке. На дне оставалось несколько глотков. Полная стояла рядом, нетронутая, с прозрачной пломбой на крышке.

— Там обычно не две, — сказал Тео с порога.

Айрис посмотрела на него.

— Что значит «обычно»?

— Значит, одна из них не для нас.

— А вторая?

— Может быть тоже.

Таймер сменился.

01:52

Айрис взяла полную бутылку. Пластик хрустнул в пальцах. На мгновение ей самой захотелось сорвать крышку и пить, пока не заболит живот. Сухость во рту стала резче, как

будто тело только сейчас вспомнило, что тоже хочет воды.

Но Тео стоял на пороге, словно невидимая верёвка не пускала его внутрь. Его взгляд был прикован к бутылке, а пальцы сжимались и разжимались возле бедра.

— Бери, — сказала Айрис.

— Нет.

— Тео.

— Если я возьму, они

— Что?

— Не знаю.

— Тогда почему ты уверен, что нельзя?

Он вскинул на неё взгляд. Впервые не испуганно — зло.

— Потому что я уже видел, как люди брали то, что им давали.

Айрис замолчала. Это был не ответ. Но и не пустые слова. Таймер мигнул.

01:37

— Ты сейчас упадёшь, — сказала она.

— Лучше упасть.

— Нет.

— Ты не понимаешь цену.

— Тогда объясни потом. Сейчас пей.

Она сорвала пломбу с полной бутылки. Звук получился чересчур громким в маленькой комнате.

Тео отшатнулся, как если бы она открыла не воду, а что-то ядовитое.

— Не надо.

— Ты помог мне.

— Я сказал пару слов.

— Ты мог не говорить.

— Это не делает меня хорошим.

— Я и не сказала, что делает.

Айрис протянула ему бутылку. Тео не взял. Его горло дёрнулось. Он смотрел на воду так, как смотрят на вещь, за которую уже ненавидят себя заранее.

— Они хотят, чтобы ты это сделала, — прошептал он.

Айрис поняла, что он прав. Конечно, прав. Ловушка даже не пыталась выглядеть скрытой. Он оставлял его на виду, чтобы потом можно было сказать: ты сама выбрала. Она посмотрела на камеру в углу. Потом на Тео. Он был напуган до дрожи, но всё равно пошёл с ней. Он предупредил её о камере, о красной полосе, о ловушке. Он не был сильным. Не был героем. Но он ещё не стал человеком, который молчит, когда другого ведут под удар.

Возможно, здесь выживали те, кто проходил мимо. Айрис пока не смогла.

Она поднесла бутылку к губам. Пластик пах пылью и дешёвым складским холодом. Вода плеснулась у самого рта, и тело среагировало раньше мысли: пальцы сжали бутылку так, будто её могли отнять. Айрис почти сделала глоток. Потом услышала, как Тео сглотнул. Не попросил. Не двинулся. Просто сглотнул — сухо, больно, почти бесшумно.

— Пей, — сказала она.

Тео медленно взял бутылку. Он сделал один глоток. Потом второй. Потом зажмурился, и Айрис увидела, как у него дрогнули веки. Он не заплакал. Не позволил себе. Айрис отвела взгляд, давая ему хотя бы это — не смотреть.

И в этот момент дверь за их спинами закрылась. Щёлк. Тео замер с бутылкой у губ. Айрис обернулась. Таймер исчез. Экран на стене загорелся красным.

**РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСА ЗАФИКСИРОВАНО
ОБЪЕКТ 27 ПЕРЕДАЛА РЕСУРС ОБЪЕКТУ 19
КЛАССИФИКАЦИЯ: НЕВЫГОДНОЕ МИЛОСЕР-
ДИЕ**

Айрис похолодела. Вот она. Цена. Не там, где она смотрела. Тео медленно опустил бутылку. Её поступок уже перестал быть её поступком. Она дала воду человеку. Обсерватор дал этому название. И название оказалось сильнее самого действия.

— Я же сказал

— Замолчи, — прошептала Айрис.

Но злость была не на него.

Динамик щёлкнул.

Голос Куратора прозвучал мягко. Одобрительно.

— Очень щедро, мисс Вейл.

Айрис повернулась к камере.

— Это вода.

— В Обсерваторе, — сказал голос, — всё становится вы-

бором, если кто-то достаточно голоден, чтобы на него смотреть.

На экране появилось новое голосование.

КОРРЕКЦИЯ МИЛОСЕРДИЯ

ВЫБЕРИТЕ ПОСЛЕДСТВИЕ

1. ЛИШИТЬ ОБЪЕКТ 27 СВЕТА

2. ЛИШИТЬ ОБЪЕКТ 19 ВОДЫ НА 24 ЧАСА

3. ОТКРЫТЬ СЕКТОР ОХОТЫ

**4. ОТЛОЖИТЬ КОРРЕКЦИЮ ДО ПУБЛИЧНОГО
ВЫБОРА**

Проценты побежали сразу.

Айрис смотрела, как люди где-то далеко выбирают наказание за глоток воды. Не за нападение. Не за побег. Не за попытку сломать камеру. За воду. Страх никуда не делся. Просто теперь Айрис поняла, на что смотрит.

Это было не подземелье. Не похищение ради выкупа. Не ошибка. Не чей-то личный садизм, в котором можно найти одного виноватого, одну дверь, одно лицо, которому потом можно будет плюнуть в глаза. Это была система. И Айрис только что дала ей первый удобный повод.

— Не смотри на проценты, — сказал Тео.

Голос его дрожал. Айрис не могла отвести взгляд.

ОТКРЫТЬ СЕКТОР ОХОТЫ — 39%

Цифра прыгнула.

42%

Потом ещё.

46%

Айрис почувствовала, как воздух в комнате стал меньше.
— Что такое сектор охоты?

Тео побледнел ещё сильнее. Настолько, что разбитая губа показалась почти чёрной на его лице.

— Беги.

— Что?

— Беги!

Голосование ещё не закончилось, когда дверь открылась. Это испугало Айрис больше, чем если бы она захлопнулась окончательно.

На экране вспыхнула строка:

КОРРЕКЦИЯ ПРИНЯТА ДОСРОЧНО

ЗРИТЕЛЬСКОЕ БОЛЬШИНСТВО ДОСТИГНУТО

В коридоре погас свет. Не весь. Только часть ламп. Дальний конец ушёл в темноту, плотную и густую, будто её туда залили. Красные точки камер остались гореть. В этой темноте они выглядели не глазами, а прицелами.

Оттуда донёсся низкий металлический звук. Раз. Потом второй. Открывались тяжёлые ворота. Тео схватил Айрис за руку и потащил наружу.

— Быстрее!

Они выбежали из С-4.

Бутылка чуть не выскользнула из пальцев Тео. Айрис перехватила его запястье, и вода плеснулась внутри — неприлично громко на фоне их дыхания.

Зелёная стрелка на стене погасла. Вместо неё загорелась красная линия, ведущая в противоположную сторону.

— Не по красной, — выдохнул Тео. — Никогда не по красной.

— Тогда куда?

Он дёрнул её вправо, в боковой проход, который Айрис в панике даже не заметила. Узкий коридор уходил между двумя серыми стенами, ниже и темнее основного. Над входом не было стрелки. Только старая камера с треснувшим корпусом, которая двигалась рывками, как больной сустав.

— Туда, где им неудобно смотреть, — сказал Тео.

Сзади что-то грохнуло. Айрис не обернулась. Не потому что не хотела. Хотела. Очень. Но весь её затылок уже чувствовал темноту за спиной, и она знала: стоит увидеть, что именно идёт следом, ноги могут забыть, как двигаться. Они нырнули в боковой проход. Стены здесь стояли ближе. Воздух был тяжелее, с запахом ржавчины и горячей проводки.

Лампы горели через одну, и между пятнами света были короткие провалы тени. Камеры висели реже, но там, где они были, Айрис чувствовала их особенно остро. На одной стене кто-то оставил бурый след ладони. Ниже — царапины. Ещё ниже — чёрные полосы, будто кого-то волокли по полу.

Тео двигался быстро, но неровно. Вода не успела вернуть ему силы. Он дышал часто, почти беззвучно, как человек, который боится, что даже его вдох заметят.

Новый удар прошёл по стенам. Айрис слышала ещё один

звук. Не шаги. Что-то другое. Тяжёлое скольжение, короткий рывок, пауза. Словно кто-то двигался рывками, останавливаясь перед каждым новым шагом.

— Что это? — спросила она.

— Не спрашивай.

— Тео.

— Если начну объяснять, ты обернёшься.

Он споткнулся. Айрис успела подхватить его за локоть, но он всё равно ударился плечом о стену. Бутылка выпала из его руки и покатила по бетону. Оба замерли. Пластик катился долго. Долше, чем могла катиться обычная бутылка.

Айрис бросилась за бутылкой первой. Схватила её, пока та не выкатилась в освещённую часть коридора, и сунула Тео обратно.

— Держи.

— Ты серьёзно? — он смотрел на неё почти с ужасом. — Сейчас?

— Ты из-за неё попал под коррекцию. Будет тупо, если ещё и потеряешь.

— Оставь меня.

— Нет.

— Они этого и хотят!

— Возможно.

— Тогда зачем ты

— Потому что ты — не они.

Тео замолчал.

На секунду в его лице мелькнуло что-то живое, почти болезненное. Эта фраза ударила сильнее коридора, страха и голода.

Свет впереди мигнул. Раз. Другой. Тео схватил Айрис за запястье.

— Стой.

— Что ещё?

— Тут не было темно.

Она не сразу поняла. Потом увидела: впереди, там, где коридор должен был продолжаться, горела не обычная лампа. Свет был серым и неровным, будто лампа за стеной вот-вот погаснет. Он просачивался из бокового прохода, которого Айрис не заметила бы, если бы Тео не остановился.

Из этой полутьмы вышла женщина. Айрис замерла так резко, что Тео врезался ей в плечо.

Женщина была старше её. Лет двадцать шесть. Каштановые волосы, мокрые и коротко обрезанные на уровне подбородка, прилипали к скулам. Лицо было жёстким, собранным, с резкими скулами и усталыми глазами. На скуле — тонкий шрам, слишком ровный, чтобы быть случайным. Одежда была тёмной, рваной, мокрой, но она держалась так прямо, будто рваная одежда ничего не меняла.

Она не бежала. Не пряталась. Не смотрела назад. И от этого казалась опаснее всего, что Айрис слышала за спиной.

Женщина остановилась посреди коридора и медленно перевела взгляд с Тео на бутылку в его руке, потом на Айрис.

— Ты дала ему воду, — сказала она.

Голос был спокойный. Не удивлённый. Почти усталый.

Айрис крепче сжала резак в ладони.

— А ты кто?

Женщина едва заметно улыбнулась.

— Та, кто не стала бы.

Она стояла спокойно. Чересчур спокойно для человека, который слышал слово «охота».

Айрис сжала руку Тео крепче и чуть сдвинулась вперёд, закрывая его собой. Резак в ладони был почти бесполезным, но она всё равно держала его так, чтобы женщина видела: пустыми руками Айрис не останется.

Женщина посмотрела на это движение и едва заметно улыбнулась.

— Он хотел пить.

— Здесь все чего-то хотят.

Её взгляд скользнул к Тео, потом к бутылке в его руке, потом к камере под потолком. Только после этого она посмотрела на Айрис.

— Разница в том, что не все позволяют себе хотеть вслух.

— Твоё имя?

— Кассия.

Тео прошептал:

— Не надо

Кассия слышала. Взгляд стал чуть острее.

— Тео всё ещё думает, что если говорить тише, Обсерва-

тор становится глухим.

Кассия подняла подбородок.

— Идите за мной, — сказала она.

Айрис крепче сжала резак.

— С чего вдруг?

Женщина посмотрела на неё, потом на Тео, потом на бутылку в его руке.

— Потому что если вас размажет на этом повороте, охоту расширят на мой коридор. А мне сегодня не хочется бегать из-за двух идиотов.

— Ты всегда так помогаешь?

— Я не помогаю. Я убираю проблему с дороги.

Сзади снова раздался металлический удар. Ближе.

Айрис напряглась, но Кассия даже не повернула голову. Она наклонила голову, прислушиваясь. Не испуганно — привычно.

— Ты не спасла его, — сказала она. — Ты сделала его интересным

Айрис почувствовала, как пальцы Тео дрогнули в её руке.

— Что это значит?

— Это значит, что до этого он был просто голодным мальчиком в углу. Такие долго никому не интересны. Пока рядом не появляется тот, кто за них дёргается.

— И?

— И теперь зрителям будет интересно, сколько ты выдержишь, прежде чем поймёшь, что его легче бросить.

Айрис сжала зубы.

— Я не собираюсь его бросать.

Кассия посмотрела на неё почти внимательно. Впервые без улыбки.

— Так говорят не только хорошие люди, Айрис. Так говорят до первого выбора, где на другой стороне — сон, вода или жизнь.

В глубине коридора что-то грохнуло. На этот раз звук был не просто металлическим. В нём было движение. Приближение.

Тео едва слышно выдохнул:

— Кассия

— Молчи.

Она сказала это спокойно, но Тео замолчал сразу. Айрис заметила.

— Он тебя боится?

— Нет. Он боится, что я права.

— Ты больная.

Кассия чуть усмехнулась.

— Нет. Просто я здесь дольше.

Голос Северина вновь ожил над ними:

— Наблюдатели благодарят объект 27 за первое эмоциональное вложение. Связи повышают качество сезона.

Кассия подняла глаза к камере и коротко рассмеялась.

— Видишь? Им понравилось.

Айрис вдруг захотелось ударить её. Кассия не была вино-

вата. Но её спокойствие било точнее любой угрозы.

— Ты могла бы просто сказать, куда бежать, — сказала Айрис.

— Могла бы.

— Но не скажешь?

— Скажу, если перестанешь стоять посреди коридора и доказывать камерам, что у тебя есть сердце.

Айрис замерла. Кассия сделала шаг ближе. Медленно, без угрозы, но Тео всё равно отступил.

— Кровь им быстро надоедает. А вот привязанность — нет.

— Что?

— Камеры любят, когда у тебя есть кого отнимать.

Холод поднялся по позвоночнику.

— Почему ты мне это говоришь?

Кассия посмотрела на Тео.

— Потому что он уже один раз привёл новенькую не туда.

Тео резко побледнел.

— Кассия

— А теперь ведёт тебя.

Айрис повернулась к нему.

— Что она имеет в виду?

Тео не ответил.

Сзади раздался новый звук — ближе, ниже, тяжелее. Где-то в темноте что-то скребнуло по бетону. Кассия наконец отвела взгляд от Айрис и посмотрела в глубину коридора.

— Поздно обсуждать.

Кассия коротко кивнула в боковой проход.

— За мной. До второго поворота. Потом будете сами решать, как умереть.

— Ты пойдёшь с нами? — спросила Айрис.

— Я же сказала: мой коридор рядом. Если вас догонят здесь, это станет моей проблемой. До второго поворота — за мной. Потом не лезьте в дверь с зелёной полосой. Она открыта специально.

Айрис не двинулась.

— А почему я должна тебе верить?

Кассия улыбнулась краем губ. Она говорила спокойно не потому, что опасность была далеко. А потому, что уже знала, сколько звуков отделяет открытую дверь от бегущих шагов.

— Не должна. Просто выбери, кому не верить первым.

Айрис сжала руку Тео крепче.

— Пойдём.

Тео не сразу сдвинулся с места. Его пальцы были холодными, почти деревянными, а взгляд всё ещё цеплялся за темноту позади них, будто он уже видел там то, чего Айрис пока только боялась представить.

— Тео, — резко сказала она.

Он моргнул.

— Да. Я да.

Кассия уже шла первой. Не бежала — двигалась быстро, но ровно, экономя силы. Так, будто этот коридор был не ло-

вушкой, а маршрутом, который она успела выучить через боль.

Айрис потянула Тео за собой. Они свернули в боковой проход справа. Свет там был слабее. Лампы горели через одну, некоторые мигали так часто, что коридор казался нарезанным на короткие обрывки: стена, тень, дверь, камера, снова тень. Воздух стал тяжелее. Здесь пахло ржавчиной, пылью и чем-то горелым.

Сзади снова ударил металл.

Ближе.

Айрис не обернулась. Кассия бросила через плечо:

— На втором повороте вниз. Не прямо.

— Что там прямо? — спросила Айрис.

— То, что они хотят показать.

— А вниз?

— То, что им сложнее снять красиво.

Тео споткнулся. Айрис удержала его, но он тут же выдернул руку.

— Я сам.

Голос у него был слабый. Злой от слабости.

— Тогда иди сам, — сказала она. — Но иди.

Он посмотрел на неё, будто хотел ответить, но передумал. Сжал бутылку воды и двинулся дальше.

Они добежали до первого поворота. И экран на стене ожил. До этого он был чёрным, почти незаметным в бетоне. Но стоило Айрис приблизиться, по нему прошла белая

полоса помех, и коридор наполнился сухим электрическим треском.

Кассия остановилась так резко, что Айрис едва не врезалась в неё.

— Что?

Кассия не ответила. Экран вспыхнул.

**ОБЪЕКТ 27 МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ БЕЗОПАСНЫЙ
МАРШРУТ**

УСЛОВИЕ: ОСТАВИТЬ ОБЪЕКТ 19

Айрис сначала не поняла. Потом смысл дошёл. Она сразу посмотрела на Тео.

Он вытащил руку из её пальцев.

— Принимай, — прошептал он.

Айрис повернулась к нему.

— Что?

— Оставь меня.

Он сказал это так тихо, будто уже решил за неё. Будто безопасный маршрут был не предложением, а обычным порядком вещей. Он ждал, что она уйдёт. И, кажется, даже не злился за это.

Айрис посмотрела на него: на разбитую губу, на серое лицо, на бутылку воды в руке. Он не просил спасти его. Уже не просил ничего. Просто стоял и ждал, когда она выберет то, что выбрал бы любой человек, которому хочется жить.

Сзади снова ударил металл. Ближе. Кассия сказала:

— Цена честная. Для первого раза.

Айрис нашла взглядом красную точку.

— Нет.

Экран мигнул.

ВЫБОР ЗАФИКСИРОВАН

ОБЪЕКТ 27 ОТКАЗАЛАСЬ ОТ БЕЗОПАСНОГО

МАРШРУТА

КОРРЕКЦИЯ УСИЛЕНА

На секунду стало тихо. Так тихо, что Айрис услышала, как Тео рядом выдохнул.

Потом экран вспыхнул второй раз.

ДОПОЛНИТЕЛЬНОЕ ПРЕДЛОЖЕНИЕ

ОБЪЕКТ 19 МОЖЕТ ПОЛУЧИТЬ БЕЗОПАСНЫЙ

МАРШРУТ

УСЛОВИЕ: ОСТАВИТЬ ОБЪЕКТ 27

Ниже, отдельной строкой:

БОНУС: ВОДА / 24 ЧАСА СНЯТИЕ МАРКЕРА

ОХОТЫ

Тео перестал дышать.

Айрис поняла это не сразу — по тишине. По тому, как его пальцы разжались вокруг бутылки.

На стене слева открылась узкая дверь. За ней горел белый свет. Не красный. Не мигающий. Ровный. Почти нормальный.

На экране появился таймер.

00:10

— Тео, — сказала Айрис.

Он не посмотрел на неё.

00:09

— Это не тебе решать, — тихо сказала Кассия.

Тео сделал шаг к двери.

Айрис почувствовала этот шаг физически — как удар под рёбра.

00:08

Айрис заставила себя отпустить его рукав.

Не потому что не хотела удержать. Хотела. Так сильно, что пальцы заболели.

Но если она удержит — это тоже снимут. Это назовут страхом. Давлением. Владением.

Тео стоял между ней и белым светом.

00:07

За спиной снова ударил металл.

00:06

Кассия прошептала:

— Вот теперь ты действительно в Обсерваторе.

00:05

Тео закрыл глаза.

Айрис стояла рядом и впервые за всё время ничего не могла сделать.

Она могла дать ему воду. Могла закрыть его собой. Могла сказать «нет» за себя.

Но этот выбор был не её.

И от этого стало страшнее всего.

00:04

Экран ждал.

Камеры ждали.

Темнота за спиной ждала.

00:03

Тео открыл глаза.

Айрис не двинулась. Даже не попыталась удержать его.

Только смотрела, как между ними становится на один шаг больше воздуха.

Вот она, подумала она.

Цена.

00:02

Он посмотрел на бутылку в своей руке. На воду, которую получил из-за неё.

Потом на Айрис.

— Чёрт, — выдохнул он.

И отступил от двери.

ВЫБОР ОТМЕНЁН

ОБЪЕКТ 19 ОТКАЗАЛСЯ ОТ БЕЗОПАСНОГО

МАРШРУТА

СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

Кассия выругалась почти беззвучно.

— Идиоты.

Голос Северина прозвучал мягко, почти довольно:

— Прекрасно. Двойное милосердие.

Свет в коридоре погас.

Не сразу весь. Сначала исчезла красная линия у стены. Потом лампа над экраном. Потом следующая. Темнота шла к ним по потолку, секция за секцией, будто кто-то тушил мир по частям.

Айрис сжала резак в ладони.

— Что происходит?

Ответил не Куратор.

Сначала где-то за спиной открылась дверь.

Потом ещё одна.

Из первой донёсся металлический скрежет.

Из второй — человеческое дыхание.

Кассия почти беззвучно сказала:

— Гончие.

— Кто? — спросила Айрис.

— Те, кто уже понял правила. И согласился быть за них награждённым.

Во тьме кто-то побежал.

И тогда Обсерватор впервые за всё время заплодировал.

Глава 2. Гончие

Обсерватор аплодировал так, будто они только что сделали что-то прекрасное.

Хлопки шли не из одного динамика. Они сыпались из стен, из потолка, из тёмных углов коридора — отовсюду, где раньше были только гул вентиляции и красные точки камер. Звук был негромким, почти вежливым. Не овация. Не радость. Скорее мягкое постукивание сотен ладоней по стеклу.

Айрис стояла в темноте, сжимая в руке тупой резак, и несколько секунд не могла понять, что страшнее: бегущие шаги за спиной или то, что этим шагам аплодировали.

Рядом Тео дышал слишком быстро. Она слышала каждый его вдох — рваный, сухой, сдавленный, будто каждый вдох цеплялся за горло. После таймера, после его шага назад, после короткого нет, которое всё-таки осталось между ними, он больше не смотрел ей в глаза.

Айрис тоже не смотрела. Не сейчас. Кассия первой пришла в движение.

— Не слушай хлопки, — сказала она. — Слушай шаги.

Её голос прорезал темноту ровно и жёстко. Без паники. Без суеты. Но Айрис успела заметить, как Кассия изменилась: улыбка исчезла, плечи опустились, ладонь скользнула к поясу, где в складках тёмной ткани был спрятан короткий металлический обломок.

Сзади лязгнула дверь. Потом ещё одна. Чужое дыхание слышалось ближе.

— Бежим, — сказала Кассия.

Она не стала проверять, слушают ли её. Просто развернулась и нырнула в боковой проход, настолько узкий, что Айрис сначала приняла его за щель между стенами.

Тео задержался на полсекунды. Айрис схватила его за рукав. Он вздрогнул так, будто её пальцы обожгли.

— Тео.

— Я иду, — быстро сказал он.

Слишком быстро. Айрис не ответила. Только потянула его за собой. Они побежали.

Проход справа оказался ниже основного коридора. Потолок давил на голову, лампы горели тусклым жёлтым светом, некоторые мигали, разрезая пространство на короткие обрывки: бетон, труба, дверь, камера, тень. Стены здесь были покрыты ржавыми потёками, пол местами блестел от влаги, а воздух пах горячим металлом и пылью.

Кассия двигалась впереди быстро, но не вслепую. Она не металась, не цеплялась за стены, не оглядывалась каждую секунду. Она точно знала, куда ставить ногу, где пригнуться, где перепрыгнуть через трещину в полу. Айрис бежала за ней и впервые подумала, что Кассия не просто знает это место. Она выучила его телом.

Сзади раздался скрежет металла по бетону. Айрис всё-таки обернулась. На мгновение вспыхнула дальняя лампа, и в

её грязном свете она увидела силуэт. Человек. Не зверь. Не машина. Не охранник в форме.

Человек.

Высокий, худой, с впалой грудью и длинной металлической трубой в руке. Он бежал неровно, будто каждое движение причиняло ему боль, но не останавливался. Труба волочилась за ним, режа бетон скрежетом.

За ним появилась женщина — старше остальных, жилистая, с тёмными кудрями, сбившимися от влаги вокруг лица. Один глаз закрывала чёрная повязка. Вторым смотрел слишком ясно для того, кто бежит не от страха, а за наградой.

— Оставь его, новенькая! — крикнула она. — Тебя пока не тронут!

Тео сбился с шага. Айрис почувствовала это сразу. Его плечо дёрнулось, рука с бутылкой прижалась к груди, а дыхание стало ещё короче.

— Не слушай, — бросила Кассия, не оборачиваясь.

— Это люди, — выдохнула Айрис.

Кассия усмехнулась.

— К сожалению.

— Они участники?

— Да.

— Тогда почему они...

— Потому что им пообещали награду.

Айрис едва не споткнулась.

— За нас?

— За тебя. За него. За задержание. За кровь. За картинку. Называют по-разному. Платят за одно.

Сзади снова раздался женский голос:

— Он тебя всё равно сдаст! Ты знаешь его меньше часа!

Айрис сжала зубы. Рена попала туда, куда целилась. Перед глазами вспыхнуло: экран, таймер, Тео, делающий шаг назад. Один шаг. Всего один. Но между ними с тех пор будто остался воздух, которого раньше не было.

— Быстрее, — сказала Кассия. — Они не устанут первыми.

— Почему?

— Потому что голодные люди бегут быстрее, когда в конце им обещают пайку.

Айрис резко посмотрела на неё. Кассия даже не повернулась.

— Что? Ты думала, здесь нужны охранники? Нет, Вейл. Достаточно правильно проголодать людей.

Скрежет трубы приблизился, и Айрис услышала, как мужчина за их спинами тяжело, сипло втянул воздух. Он не кричал. Не угрожал. Просто бежал, будто всё, что осталось в его жизни, лежало впереди и называлось наградой. Это было хуже угроз.

Кассия ушла налево без предупреждения. Айрис едва не влетела в стену. Тео зацепился ботинком за выступ, вскрикнул и едва не упал. Айрис успела схватить его за локоть.

Он тут же выдернул руку.

— Я сам.

— Тогда не падай.

— Я стараюсь.

— Старайся быстрее.

Он посмотрел на неё, и в этом взгляде было всё сразу: стыд, злость, усталость, страх. Но он ничего не сказал. Только крепче прижал бутылку к груди и побежал дальше.

Коридор расширился на несколько метров и снова сузился. Справа появились двери. Большинство были тёмными, без ручек, с чёрными панелями вместо табличек. Но одна впереди светилась мягкой зелёной полосой.

Она была открыта.

На фоне грязных стен и мигающих ламп эта дверь казалась неправильной: чистая, тихая, открытая ровно тогда, когда Тео уже не мог бежать. Свет изнутри был не больнично-белым, как в комнате Айрис, а тёплым, почти человеческим. Внутри она успела увидеть металлическую полку, аптечку за стеклом и ряд бутылок с водой.

Тео рванул к двери.

Айрис схватила его за плечо раньше, чем успела решить. Не потому что была уверена. Потому что всё внутри узнало эту форму: открыто именно тогда, когда они уже не могли выбирать спокойно. Точно так же выглядела вода в С-4.

— Нет!

Она дёрнула его назад. Тео развернулся к ней с таким отчаянием, будто она не спасала его, а отнимала последний

шанс.

— Там вода, Айрис!

— Кассия сказала не заходить.

— А если она врёт?

Айрис слышала за спиной приближающиеся шаги. Мужчина с трубой был уже рядом. Женщина с перевязанным глазом смеялась где-то в темноте — коротко, хрипло, без веселья.

— Айрис, — Тео смотрел на неё широко раскрытыми глазами. — Мы не успеем.

Она посмотрела на зелёную полосу. На чистый свет. На воду. На открытую дверь. Всё в этом месте было построено на выборе, который выглядел как спасение. Айрис стиснула пальцы на его плече.

— Именно поэтому туда нельзя.

Она потащила его вниз, туда, куда уже ушла Кассия.

— Новенькая, ты долго не выдержишь.

Женщина говорила без злости. От этого становилось хуже.

— Он первый попросит тебя отпустить.

Айрис не ответила. Они успели свернуть в узкий спуск, когда мужчина с трубой добежал до зелёной двери. Он даже не замедлился. Влетел внутрь, тяжело ударившись плечом о косяк.

Дверь закрылась за ним. Не хлопнула. Не захлопнулась с угрозой. Просто мягко встала на место. На секунду ничего не

произошло. Потом внутри что-то коротко щёлкнуло. Айрис услышала удар. Потом крик. Такой резкий и обрубленный, что она невольно остановилась. Из-под двери вырвалась тонкая белая струя пара. Тео зажал рот ладонью.

Айрис не знала его имени. Ещё минуту назад он бежал за ней с трубой. Ещё минуту назад она его боялась. Теперь она стояла и думала только о том, что он, возможно, кричит за дверью, которую открыли для неё.

Женщина с перевязанным глазом перестала смеяться. Кассия шагнула назад, схватила Айрис за ворот кофты и дёрнула вниз по спуску.

— Не стой.

— Он...

— Сам зашёл.

— Он не знал.

Кассия посмотрела на неё так, будто Айрис сказала что-то наивное до неприличия.

— Здесь это редко кого спасает.

Айрис хотела ответить, но не смогла. В горле стоял тот самый крик — чужой, резкий, оборванный дверью, которую открыли для неё.

Коридор под ногами ушёл вниз. Стены стали ближе. Потолок опустился так низко, что Кассии пришлось пригнуться. Вентиляция загудела громче, воздух сделался горячим, влажным, насыщенным запахом ржавчины и старой проводки. Трубы бежали вдоль стен: одни были покрыты изоляци-

ей, другие — голые, потемневшие от жара. Красные точки камер встречались реже, но каждая из них казалась злее, потому что здесь им приходилось смотреть сквозь пар, копать и дрожащий воздух.

Кассия провела их между двумя рядами труб и остановилась у низкой сервисной ниши так внезапно, что Айрис едва не налетела на неё.

— Внутрь.

— Что?

— Внутрь, Вейл.

Ниша была узкой, почти щелью между бетонной стеной и массивной трубой. Айрис первой протиснулась туда, ударившись плечом о металл. Труба была тёплой, почти горячей. Следом втиснулся Тео. Кассия осталась снаружи, прислушиваясь.

В темноте технического сектора шаги стали странными. Они отражались от труб, дробились, меняли направление. Казалось, кто-то идёт сразу отовсюду.

Айрис прижалась спиной к стене и попыталась дышать тише.

Тео сидел рядом на корточках, сжимая бутылку воды так крепко, что пластик потрескивал. Его лицо было серым. На лбу выступил пот, губа снова кровила. Он не смотрел на неё. Айрис тоже сначала не смотрела. Потом всё-таки повернула голову.

— Ты сделал шаг назад.

Тео закрыл глаза. Кассия снаружи чуть повернула голову, но не вмешалась.

— Я знаю, — сказал Тео.

Голос был почти неслышным.

— Ты хотел уйти.

Он не стал спорить. Не стал оправдываться. И почему-то это ударило сильнее.

— Хотел, — сказал он.

Айрис почувствовала, как внутри всё сжалось. Не от злости даже. От понимания, что её помощь ничего ему не гарантировала. Её выбор больше не был красивым. Он был настоящим. А настоящее, как оказалось, не обязано благодарить тебя тем же.

— Но не ушёл, — добавил Тео.

— Я видела.

Он наконец посмотрел на неё.

— Это должно что-то менять?

Айрис не сразу ответила.

За трубами снова раздался звук. Шаги. Женщина с перевязанным глазом спустилась ниже. Медленно. Теперь она не бежала. Она искала.

Кассия подняла руку, заставляя их молчать. Где-то совсем рядом женский голос сказал:

— Мальчик, ты ведь знаешь, как это закончится.

Тео вздрогнул. Айрис увидела, как его пальцы побелели на бутылке.

— Ты опять спрятался не там, — продолжил голос. — Сколько раз ты уже ошибался?

Айрис медленно повернулась к Тео. Он стал белым. Не просто испуганным. Его лицо стало серым. Даже губы побледнели.

Кассия скользнула в нишу к ним без звука. Теперь их было трое в пространстве, рассчитанном максимум на одного.

— Что она имеет в виду? — прошептала Айрис.

Тео покачал головой.

— Не сейчас.

— Тогда когда?

— Если выживем.

У Кассии дрогнул угол рта.

— Оптимистично.

Айрис посмотрела на неё.

— Ты сказала, он уже привёл новенькую не туда.

Тео резко поднял голову.

— Не надо.

— Он сказал ей: «сюда», — тихо сказала Кассия.

Её голос был почти ровным, но на этот раз в нём не было обычной насмешки.

— Так же, как тебе. Думал, что знает проход. Думал, что камера там слепая. Думал, что успеет.

— Я не знал, — выдохнул Тео.

Кассия посмотрела на него.

— Знаю.

От этого «знаю» стало хуже, чем от обвинения.

— Что с ней стало?

Тео отвернулся. Кассия не ответила сразу. Снаружи женщина с перевязанным глазом прошла мимо ниши. Айрис видела через узкую щель её ноги, грязные ботинки, край повязки, свисающий с лица. Женщина остановилась так близко, что Айрис различила её дыхание.

Тео перестал дышать совсем. Женщина наклонилась. Красная точка камеры за её спиной повернулась в сторону ниши. Айрис заметила это краем глаза.

Камера двигалась рывком. Сначала щёлкал механизм. Потом, через короткую паузу, поворачивался объектив. Не сразу. С задержкой. Её взгляд скользнул ниже. Рядом с нишей, на стене, торчал старый вентиль. Под ним дрожала тонкая струйка пара, едва видимая в темноте. На полу блестела вода. Или масло.

Женщина сделала ещё шаг.

— Я слышу вас, — сказала она мягко.

Кассия напряглась. Тео закрыл глаза. Айрис посмотрела на почти пустую бутылку, которая валялась у её ноги — та самая, которую она подобрала раньше, когда они бежали. Она даже не поняла, как продолжила держать её при себе.

Камера дёрнулась снова. Айрис не успела придумать план. Только ухватилась за одно: звук шёл первым. Камера догоняла позже. Если увести звук — она повернётся за ним.

Она бросила бутылку в сторону прохода. Пластик ударил-

ся о трубу, покатился по бетону, подпрыгнул на стыке плит и зазвенел где-то справа. Женщина мгновенно повернулась на звук. Камера повернулась тоже. С задержкой.

Айрис выскользнула из ниши, схватилась за вентиль обеими руками и дёрнула. Он не поддался. И только тут Айрис поняла, как глупо это выглядело: она выбралась из ниши, подставилась под камеру, под женщину с повязкой, под всё сразу — ради вентиля, который мог вообще не открыться.

— Айрис! — прошипел Тео.

Она дёрнула снова. Металл обжёг ладони. Вентиль заскрежетал, сдвинулся на четверть оборота и вдруг пошёл легче. Пар ударил в проход белой горячей стеной. Женщина вскрикнула — не от боли даже, скорее от неожиданности. Отшатнулась, поскользнулась на мокром полу и ударилась плечом о трубу. Камера за ней ушла в белую муть. Кассия выругалась.

— Беги!

Они вывалились из ниши почти одновременно. Айрис не успела закрыть лицо, и пар царапнул щёку горячим влажным воздухом. Не ожог, но больно. Она закашлялась, схватила Тео за рукав и потащила дальше.

Кассия обогнала их через секунду. Но прежде чем снова уйти вперёд, она посмотрела на Айрис. И Айрис почему-то поняла, что это было почти одобрение.

Женщина с перевязанным глазом кричала что-то за спиной, но слова тонули в шипении пара и гуле вентиляции.

Мужчину с трубой больше не было слышно. Возможно, он остался за зелёной дверью. Возможно, Обсерватор уже готовил ему новую роль. Айрис не знала, что хуже.

Они бежали ещё несколько минут. Или секунд. В техническом секторе время стало неправильным: оно растягивалось между ударами сердца, сжималось на поворотах, исчезало в шуме труб.

Наконец Кассия свернула в низкую галерею, где свет был не белым и не красным, а грязно-жёлтым. Камеры здесь висели старые, большие, с мутными куполами. Одна была разбита. Другая смотрела в стену. Третья медленно поворачивалась туда-сюда, но каждый раз застревала на одном месте и дёргалась, пытаясь продолжить движение.

— Сюда, — сказала Кассия.

— Это безопасно? — спросила Айрис.

Кассия посмотрела на неё с усталостью.

— Ты всё ещё задаёшь неправильные вопросы.

— Тогда как правильно?

— Сколько минут у нас есть.

— И сколько?

— Пять. Если повезёт.

Галерея оказалась длинным сервисным коридором с низкими арками и старыми дверями без табличек. На одной ещё можно было разобрать стёртые буквы: **ТЕХНИЧЕСКИЙ АРХ...** Остальное съела ржавчина. На полу лежала пыль, в которой оставались следы. Не свежие. Но их было много.

Тео опустил на пол, прислонившись к стене. Бутылку он всё ещё держал в руках. Айрис заметила, что воды осталось меньше половины. Кассия проверила оба конца галереи, потом вернулась и остановилась напротив них.

— Поздравляю, — сказала она. — Вы прожили на несколько минут дольше, чем планировалось.

Айрис вытерла щёку рукавом. Кожа горела после пара.

— Тот человек за зелёной дверью

— Какой именно?

— Не делай вид, что не поняла.

Кассия присела на корточки у стены, но так, чтобы видеть оба прохода.

— Если он жив, его вытащат. Подлатают настолько, чтобы ещё мог быть полезен.

Тео тихо сказал:

— Или не вытащат.

Кассия посмотрела на него.

— Или не вытащат.

Айрис сжала резак.

— И вы говорите об этом так спокойно?

— А ты хочешь, чтобы я поплакала? Это поможет ему или нам?

— Нет.

— Тогда не проси у меня красивых реакций.

Айрис отвернулась. Ей хотелось ненавидеть Кассию. Это было бы проще. Но Кассия не выглядела равнодушной. Она

выглядела так, будто когда-то уже плакала. И поняла, что от этого никто не выжил.

Тео сделал один осторожный глоток и тут же протянул бутылку Айрис. Она посмотрела на него.

— Пей.

— Ты тоже хочешь.

— Все хотят пить, помнишь?

Он опустил взгляд.

— Айрис...

Она не взяла бутылку. Между ними снова встал тот шаг. Тот самый. Тео понял.

— Я испугался.

— Я знаю.

— Нет. Ты не знаешь. Ты видела таймер, но это другое.

Он кивнул куда-то в сторону коридора, хотя двери там уже не было.

— Когда они открывают дверь, ты сначала видишь не ловушку. Ты видишь тишину. Сон. Место, где никто не говорит твой номер.

Тео сглотнул.

— Я хотел туда. Не от тебя. Просто туда.

— Но не пошёл.

— Это не отменяет того, что хотел.

— Нет, — сказала Айрис. — Не отменяет.

Он кивнул, будто именно этого и ждал. Не прощения. Не утешения. Просто правды. Кассия смотрела на них с выра-

жением человека, который наблюдает, как двое обсуждают боль прямо под камерой.

— Милый разговор, — сказала она. — Очень трогательно. Особенно если учесть, что его сейчас наверняка нарезают для Наблюдателей.

Айрис резко подняла голову.

— Здесь камеры почти слепые.

— Почти — любимое слово Обсерватора.

Старый экран на стене ожил. До этого Айрис приняла его за ржавую металлическую панель. Но по ней прошла полоса помех, потом ещё одна, и в грязно-жёлтом свете появились белые строки.

СЦЕНАРИЙ ОХОТЫ: НЕ ЗАВЕРШЁН

ОБЪЕКТ 27 СОХРАНИЛА ОБЪЕКТ 19

ОБЪЕКТ 19: СВЯЗЬ ПОДТВЕРЖДЕНА

ОБЪЕКТ 11: ВМЕШАТЕЛЬСТВО ЗАФИКСИРОВАНО

Кассия не просто остановилась. Она застыла.

— Объект 11, — сказала она. — Это ты?

Кассия не ответила. На экране появилась новая строка.

НЕЙТРАЛИТЕТ ОБЪЕКТА 11: НАРУШЕН

Кассия поднялась.

— Вот же дрянь.

Тео сжал бутылку.

— Кассия

— Молчи.

Но на этот раз в её голосе не было прежней твёрдости. Там была злость, и Айрис впервые услышала в ней страх. Айрис посмотрела на экран, потом на неё.

— Ты помогла нам.

— Я показала дорогу.

— Это одно и то же.

Кассия резко повернулась.

— Нет. Это у вас, новеньких, всё одно и то же. Здесь разница между «помогла» и «оказалась рядом» иногда стоит еды, сна и двух пальцев на руке.

Экран мигнул снова.

**ОБЪЕКТ 27 ДЕМОНИСТРИРУЕТ АДАПТАЦИЮ
РИСК НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ: ПОВЫШЕН
РЕКОМЕНДАЦИЯ: ИЗМЕНИТЬ МЕТОД КОР-
РЕКЦИИ**

Айрис почувствовала, как холод возвращается под кожу.

— Что значит изменить метод?

Кассия не сводила глаз с экрана.

— Значит, гончих оказалось мало.

— Мало для чего?

— Чтобы ты поняла.

— Что?

Кассия посмотрела на неё.

— Что выживание здесь не награда. Это способ оставить тебя в игре подольше.

Динамик в галерее щёлкнул. Айрис уже знала этот звук.

Слишком хорошо. Голос Куратора разлился по старому коридору мягко. С удовольствием:

— Наблюдатели выражают признательность объектам за сохранение эмоциональной линии. Сценарий охоты признан частично успешным.

Кассия подняла глаза к камере.

— Пошёл ты, Северин.

Пауза. Айрис ожидала наказания. Звука сирены. Красно-го света. Но Куратор только тихо усмехнулся.

— Ваше участие тоже отмечено, объект 11.

— Я не участвую.

Айрис невольно посмотрела на неё. Кассия поймала её взгляд и зло сказала:

— Не начинай.

На экране появилась новая строка.

ДАЛЬНЕЙШАЯ САМОСТОЯТЕЛЬНАЯ АДАПТАЦИЯ ОБЪЕКТА 27: НЕ РЕКОМЕНДОВАНА

Тео побледнел.

— Нет...

Айрис повернулась к нему.

— Что?

Он смотрел на экран так, будто там появился не текст, а приговор. Строка мигнула. Исчезла. Появилась новая.

ПРИВЛЕЧЬ ФАВОРИТА

Вентиляция гудела всё так же, но Айрис вдруг перестала её слышать. Она сначала не поняла, почему изменились ли-

ца Тео и Кассии. Всего две строки. Ещё одно слово из словаря Обсерватора. Фаворит. Оно могло означать кого угодно: лучшего участника, любимца зрителей, очередную ловушку. Но Тео смотрел так, будто гончие вернулись. А Кассия впервые за всё время не улыбнулась. Совсем.

— Кто такой Фаворит? — спросила Айрис.

Тео не ответил. Кассия медленно выдохнула.

— Тот, кого выпускают, когда хотят, чтобы ты сама попросила клетку.

Айрис почувствовала, как пальцы сильнее сжали резак.

— Он участник?

— Уже не только.

— Что это значит?

Кассия посмотрела на экран, потом на дальний конец галереи.

— Это значит, что ты слишком быстро им понравилась.

Голос Куратора стал тише:

— Перевод объекта 27 под наблюдение Фаворита будет осуществлён после завершения текущей коррекции.

— Текущей? — тихо спросила Айрис.

Из дальнего прохода снова донёсся бег. Гончие возвращались.

На стене вспыхнули две линии. Одна красная — налево. Одна белая — прямо. Старый экран мигнул.

**ЭКСТРЕННЫЙ МАРШРУТ ДОСТУПЕН
О БЪЕКТ 27 ВЫБИРАЕТ НАПРАВЛЕНИЕ**

— Красная — смерть, — сказал Тео.

— Белая — хуже, — сказала Кассия.

Айрис вскинула на неё взгляд.

— Что значит хуже?

— Значит, они хотят, чтобы ты думала, будто это не смерть.

Шаги приближались. Где-то в темноте женщина с перевязанным глазом крикнула:

— Новенькая! Время кончается!

Потом кто-то ударил по стене так сильно, что старая камера над ними дёрнулась.

Айрис посмотрела налево.

Красная линия уходила в коридор, где камеры висели новыми, чистыми, повёрнутыми точно в одну сторону. Там было светло, открыто и слишком удобно для тех, кто смотрит.

Белая линия мерцала слабее. Она уходила в узкий проход, где лампы горели неровно, одна камера была заляпана копотью, другая дрожала на креплении, а третья смотрела почти мимо.

Не безопасно. Но хуже видно. Айрис схватила Тео за рукав.

— По белой.

— Нет, — сказала Кассия.

— Тогда оставайся.

На этот раз Кассия не улыбнулась. Она выругалась и пошла за ними.

Белая линия вела вниз, ломалась вправо и выводила в коридор, где стены стояли так близко, что Айрис содрала плечо о бетон. За спиной гончие кричали, били по закрывающимся перегородкам, но каждый раз проход отсекал их на секунду раньше, чем они успевали добежать.

На третьем повороте Айрис поняла: их ведут. Но назад дороги не было.

Последняя дверь открылась перед ними сама. Не зелёная. Не красная. Белая. Без полосы. Без номера. Без ручки. Просто открылась. Кассия остановилась первой.

— Нет.

Айрис почти врезалась в неё.

— Что?

Кассия смотрела в открытую дверь, и на её лице впервые за всё время не было ни насмешки, ни усталости. Только злость.

— Я сказала, нет.

Сзади гончие ударили по закрывшейся перегородке. Раз. Потом ещё. Перегородка дрогнула.

Тео прошептал:

— Айрис...

Внутри было темно. Но не пусто. Кассия поняла это раньше, чем увидела человека. Слишком тихо. Пустая комната не должна была звучать так.

Свет включился не сразу. Сначала тонкая линия по полу. Потом лампа под потолком. Потом ещё одна. Камеры в ком-

нате не двигались. После коридоров, где каждый объектив догонял её дыхание, эта неподвижность казалась страшнее внимания.

В центре комнаты стоял мужчина. Не у двери. Не в углу. В центре. Так, будто не ждал их, а позволил им прийти. На нём была чёрная одежда без знаков и номера. Тёмные волосы падали на лоб, лицо казалось спокойным до невозможности, а руки были пустыми — и почему-то именно это пугало сильнее резака, трубы и гончих за дверью.

Айрис подняла резак. Мужчина даже не посмотрел на него. Его взгляд скользнул по Тео, задержался на бутылке воды, прошёл по Кассии и остановился на Айрис.

— Белая линия, — сказал он. — Значит, ты уже начала смотреть не туда, куда показывают.

Айрис замерла.

— Кто ты?

Экран над его плечом вспыхнул.

ОБЪЕКТ 03: ЛЮЦИАН БЛАЙТ

СТАТУС: ПРИВЛЕЧЁН К КОРРЕКЦИИ ОБЪЕКТА

27

Кассия выдохнула:

— Нас привели.

Люциан посмотрел на неё.

— Нет.

Потом снова на Айрис.

— Её.

Айрис не сразу поняла. Потом за её спиной что-то щёлкнуло. Она резко обернулась. Дверь не закрылась полностью. Она разделилась.

Прозрачная перегородка опустилась между ней и остальными так быстро и бесшумно, что Тео успел только шагнуть вперёд и удариться ладонью о стекло.

— Айрис!

Она бросилась к нему. Стекло было холодным. Толстым. Без швов.

Тео стоял по ту сторону, совсем рядом, но уже недостижимо. Кассия схватила его за плечо и отдёрнула назад. За их спинами грохнула перегородка. Где-то за ней гончие продолжали биться в закрытый проход.

Айрис ударила по стеклу кулаком.

— Откройте!

Голос Куратора прозвучал мягко:

— Экстренный маршрут был доступен только объекту 27.

Айрис не сразу смогла вдохнуть.

— Нет.

Люциан не двинулся.

— Ты выбрала правильно, — сказал он.

Айрис повернулась к нему.

— Правильно?

— Красная линия убила бы всех троих. Белая сохранила их живыми.

— Она забрала меня.

— Да.

Он сказал это без сожаления. Без удовольствия. Как факт. По ту сторону стекла Тео снова ударил ладонью.

— Айрис, не слушай его!

Кассия посмотрела на Люциана сквозь перегородку.

— Блайт.

В её голосе было предупреждение. И что-то ещё. Старая злость. Люциан не посмотрел на неё.

— Уводи мальчика, Кассия.

— Не командуй мной.

— Тогда стой и жди, пока гончие вспомнят, что страх не кормит.

Кассия стиснула зубы. Айрис ударила по стеклу ещё раз.

— Я никуда с тобой не пойду.

Люциан наконец посмотрел на резак в её руке. Потом на стекло. Потом ей в глаза.

— Уже пошла.

Экран над его плечом мигнул.

ОБЪЕКТ 27: ИЗОЛИРОВАНА

НАСТАВНИК: ЛЮЦИАН БЛАЙТ

**ПЕРВЫЙ УРОК: ПРАВИЛЬНЫЙ ВЫБОР НЕ
ОЗНАЧАЕТ СВОБОДУ**

Айрис почувствовала, как внутри всё стало пустым и ледяным. За стеклом Тео что-то кричал, но звук уже начал гложуть. Перегородка темнела, превращая его лицо в размытую тень.

Кассия ещё несколько секунд смотрела на Айрис. Потом на Люциана.

— Если она умрёт, это будет на тебе.

Люциан ответил не сразу.

— На мне уже достаточно.

Стекло окончательно потемнело. Айрис осталась одна. С ним. И только тогда Обсерватор погасил белую линию.

Несколько секунд Айрис смотрела на место, где только что было лицо Тео. Там больше не было ничего. Только чёрная поверхность, в которой отражалась она сама: грязная, бледная, с резакom в дрожащей руке.

Люциан не подошёл. Не попытался отнять резак. Не сказал, что всё будет хорошо. От этого стало хуже.

— Запомни, — произнёс он наконец. — В Обсерваторе ловушка не та дверь, которая убивает.

Айрис повернулась к нему.

— А какая?

Люциан посмотрел на погасшую белую линию.

— Та, которая оказывается правильной.

Белая линия под её ногами исчезла окончательно.

И Айрис поняла: она проиграла не потому, что ошиблась. Она проиграла потому, что всё поняла верно.

Глава 3. Фаворит

Айрис не ответила.

Она всё ещё стояла вплотную к потемневшему стеклу, крепко сжимала резак и ясно чувствовала: белая линия под ногами погасла не просто как свет. Вместе с ней исчез последний видимый путь назад.

Люциан Блайт стоял в нескольких шагах от неё и не двигался. Это раздражало сильнее, чем угроза. Если бы он подошёл, попытался отнять резак, приказал ей сесть, схватил за руку, сделал хоть что-то, на что можно было бы ответить телом, Айрис, возможно, стало бы легче. Тогда всё стало бы простым: он враг, она сопротивляется. Но он не давал ей этой простоты. Он стоял спокойно, с пустыми руками, под ровным холодным светом, и от этого вся комната перестала казаться даже клеткой. Клетка хотя бы честно держит. Эта — ждала, пока ты сам поймёшь, что выхода нет.

— Открой стекло, — сказала Айрис.

Люциан смотрел на неё спокойно.

— Нет.

— Я не тебя спрашивала.

— А они не отвечают на просьбы, — сказал он. — Только на реакции.

Айрис шагнула к стеклу и ударила по нему рукоятью резака. Раз. Потом ещё. Звук получился глухим и жалким. Стекло

ло приняло удар так, будто Айрис просто постучала. Она ударила снова, сильнее, и боль отозвалась в обожжённых ладонях. Стекло не дрогнуло. Даже царапины не осталось — будто её удара вообще не было.

— Тео! — крикнула она.

Ответа не было.

— Кассия!

Тишина. Чёрная поверхность возвращала ей только её же отражение.

Только тогда до неё дошло.

Не гончие и не боль в руке. Хуже: она вдруг осталась наедине с тем, о чём не успела подумать раньше.

Она не знала, где находится.

Не знала, сколько времени прошло с тех пор, как она была снаружи. Был ли ещё день. Была ли ночь. Искал ли её кто-нибудь. Заметил ли кто-нибудь вообще, что Айрис Вейл исчезла, или Обсерватор умел стирать людей так же аккуратно, как выключал свет в коридорах.

Она помнила обрывки. Комнату. Красную точку камеры. Хомут на запястьях. Голос Северина. Тео. Воду. Бег.

Но до этого — пустота.

Айрис резко обернулась к Люциану.

— Где я?

Он не ответил сразу.

— В Обсерваторе.

— Это не ответ.

— Это единственный, который тебе сейчас дадут.

Она почувствовала, как дыхание сбивается снова, хотя только что ей казалось, что хуже уже не будет.

— Как я сюда попала?

Люциан молчал.

— Я спросила, как я сюда попала.

— Тебя привезли.

Айрис моргнула. Слово оказалось слишком обычным для того, что с ней сделали.

— Привезли?

— Да.

— Кто?

— Люди, которые не называют себя похитителями.

Её пальцы сильнее сжали резак.

— Но они похитили меня.

— Да.

Она смотрела на него, ожидая хоть чего-то ещё. Объяснения. Сомнения. Поправки. Может быть, какой-то фразы, которая сделает это менее невозможным. Ничего. Люциан сказал это так, будто произнёс время суток.

— Почему я ничего не помню?

— Потому что так проще доставлять людей.

Айрис замутило.

— Меня чем-то накачали?

— Скорее всего.

Только теперь Айрис снова почувствовала горечь на язы-

ке. Не страх — что-то химическое, вязкое, застрявшее глубоко в горле. Руки и ноги до сих пор реагировали не сразу. Пальцы дрожали, а язык казался тяжёлым.

— Скорее всего?

— Я не был рядом.

— Но ты знаешь.

— Я знаю, как это обычно делают.

Она сделала шаг назад, упёрлась плечом в чёрное стекло и только тогда поняла, что дрожит уже не от злости. От запоздалого, голого ужаса, который до этого не мог пробиться сквозь бег, кровь, воду, Тео, Кассию и гончих.

— Сколько я здесь?

— Меньше суток.

— Снаружи?

— Для тебя — меньше суток.

Айрис уставилась на него.

— Что значит «для меня»?

Люциан чуть заметно наклонил голову.

— Здесь время часто становится частью давления. Не доверяй ощущениям. Не доверяй экранам. Не доверяй тому, что тебе покажут как дату.

— Меня ищут?

Этот вопрос вырвался тише остальных. И почему-то именно он оказался страшнее. Люциан посмотрел на неё дольше, чем до этого.

— Возможно.

Айрис сглотнула.

— Возможно?

— Если они оставили достаточно следов.

— А они оставили?

Люциан не ответил. И это молчание стало ответом.

Айрис отвернулась, потому что на секунду ей показалось, что если она продолжит смотреть на него, то просто закричит. Не так, как в первой комнате. Не коротко. Не сдержанно. А по-настоящему, до сорванного горла, потому что всё наконец-то стало слишком простым: её украли.

Её украли. Её закрыли в бетонном лабиринте. Её боль показывали людям. Её выборы превращали в ставки. А где-то снаружи мир, может быть, всё ещё продолжался так, будто её в нём никогда не было.

— Что вам от меня надо? — спросила она.

— Им?

— Не играй со мной.

— Им нужно, чтобы ты была интересной.

Айрис медленно повернула голову.

— А тебе?

Люциан посмотрел на резак в её руке.

— Чтобы ты прожила дольше, чем они запланировали.

— Почему?

— Потому что правду целиком тебе сейчас покажут так, чтобы ты сломалась.

— Не тебе решать, что я выдержу.

— Уже не мне, — сказал он. — Но я могу решить, сколько ты услышишь до того, как снова бросишься на стекло.

Айрис резко выдохнула, почти усмехнулась, но в этом звуке не было ничего живого.

— То есть я в плену, меня похитили, я не помню как, меня никто отсюда не выпустит, а ты хочешь, чтобы я спокойно слушала твои правила?

— Нет.

— Тогда что?

— Чтобы ты перестала ждать, что ужас станет понятнее, если задать ему правильный вопрос.

Она замолчала. Люциан сделал паузу и добавил уже тише:

— Первые часы все спрашивают «почему». Обсерватор любит этот вопрос. На него можно не отвечать бесконечно.

Айрис почувствовала, как в груди снова поднимается злость.

— А какой вопрос он не любит?

Люциан впервые посмотрел на неё почти внимательно.

— «Как».

— Как что?

— Как он работает.

Айрис не ответила.

Она снова повернулась к стеклу — уже не только потому, что за ним были Тео и Кассия, а потому что там должна была быть хоть какая-то граница, которую можно понять руками.

Она провела пальцами по краю стекла, пытаясь найти

стык, щель, панель, хоть что-то. Ничего. Ни ручки. Ни шва. Ни кнопки.

Люциан дал ей время. Она почувствовала это и возненавидела его ещё сильнее. Он не торопил. Не одёргивал. Не объяснял, что бесполезно. Он просто ждал, пока она сама поймёт, что её попытки ничего не меняют. Он ждал, пока она сама устанет от бесполезности. Это бесило сильнее, чем если бы он просто сказал: не выйдет.

— Закончила? — спросил он.

Айрис развернулась так резко, что боль прострелила плечо.

— Нет.

Она бросилась на него. Не красиво. Не уверенно. Не как человек, который умеет нападать. Просто всем телом вперёд — с резакom в руке и яростью вместо плана. Ей нужен был отпор. Хоть что-то простое. Но Люциан даже не схватил её.

Но Люциан даже не схватил её. Он просто сделал шаг в сторону. Айрис промахнулась, резак рассёк воздух, подошва скользнула по гладкому полу, и она едва не упала. В последний момент удержалась, ударившись ладонью о край металлического стола. Боль вспыхнула в ожоге. Она зашипела сквозь зубы, но не выпустила резак.

Люциан посмотрел на её руку.

— Если бы ты могла меня им остановить, — сказал он, — они бы его у тебя забрали.

Он сказал это тихо, почти буднично. От этого Айрис стало

холодно.

Она опустила взгляд на резак. Тупое лезвие, дешёвая плаستيновая рукоять, следы грязи в маленьких насечках. Когда она нашла его в первой комнате, он показался ей шансом. Маленьким, жалким, но шансом. Теперь он вдруг стал похож на насмешку.

— Зачем тогда дали? — спросила она.

Люциан не сразу ответил. Его взгляд скользнул к камере под потолком, потом обратно к ней.

— Чтобы ты шла дальше.

Айрис почувствовала, как внутри всё холодеет.

— Что?

— Людям легче идти по коридору, когда у них в руке что-то острое. Даже если это не спасёт.

Она сжала рукоять так, что пальцы побелели.

— Они дали мне оружие как игрушку?

— Они дали тебе ощущение выбора.

Айрис подняла на него взгляд.

— Ты всегда говоришь так, будто уже знаешь, чем всё закончится?

Люциан посмотрел ей прямо в глаза.

— Нет.

Пауза вышла слишком долгой.

— Только когда уже видел это раньше.

Где-то над ними тихо щёлкнула камера, меняя угол.

Айрис услышала этот звук и вдруг подумала, что сейчас

Наблюдатели получают крупный план: её лицо, его лицо, резак между ними, стекло за спиной, погасшая белая линия на полу. Кадр складывался сам: новенькая с тупым резак, Фаворит напротив, погасшая белая линия между ними.

Она резко повернулась к камере.

— Наслаждаетесь?

Ответил не Люциан. Динамик в стене мягко щёлкнул.

— Ваше эмоциональное состояние, мисс Вейл, соответствует прогнозируемой реакции после изоляции, — сказал голос Куратора. — Однако уровень агрессии выше среднего. Наблюдатели находят это обнадеживающим.

Айрис стиснула зубы.

— Заткнись.

— Отказ от коммуникации принят как форма коммуникации.

Люциан тихо выдохнул. Не смехом. Скорее усталостью. Айрис резко посмотрела на него.

— Что?

— Ничего.

— Смешно?

— Нет.

— Тогда почему ты стоишь так спокойно?

— Потому что если я начну злиться каждый раз, когда он говорит, — сказал Люциан, — я умру раньше, чем он договорит.

Северин выдержал паузу, будто позволил этой фразе

остаться в комнате.

— Объект 03, — произнёс он почти ласково, — вы нарушаете тон вступления.

Люциан поднял взгляд к камере.

— Тогда смонтируй лучше.

Несколько секунд никто не говорил. Айрис не знала, что её удивило сильнее: сама фраза или то, что за неё ничего не последовало. Ни сирены. Ни удара током. Ни красного света. Обсерватор просто промолчал. Будто ему позволялось больше. Или будто у него уже было меньше того, что можно отнять.

Айрис отошла от стола на шаг, всё ещё держа резак перед собой.

— Ты работаешь на них.

Люциан посмотрел на неё.

— Сегодня — да.

Ответ оказался хуже любого отрицания.

— А завтра?

— Доживи до завтра.

Айрис хотела ударить его. Не резак — рукой, словами, чем угодно. Но вместо этого снова почувствовала боль в ладони и ненавистное головокружение после бега. Тело предавало её так же последовательно, как система. Во рту было сухо. Горло саднило. Каждый вдох отдавался в груди. Люциан заметил это. Конечно, заметил.

Он взял со стола бутылку воды и кинул ей. Айрис поймала

её слишком резко, едва не выронив резак.

— Выпей.

Она посмотрела на бутылку и не сразу взяла. После С-4 вода уже не выглядела просто водой.

— Чтобы потом сказать, что я тебе должна?

— Нет.

— Тогда зачем?

— Чтобы ты перестала дрожать, — сказал Люциан. — Камерам не нужно столько подарков за один вечер.

Айрис хотела отказаться. Очень хотела. Но тело было быстрее гордости. Она открутила крышку и сделала глоток. Вода оказалась тёплой, пластиковой на вкус, но всё равно такой, что горло сжалось от желания выпить всё сразу. Айрис заставила себя остановиться после нескольких глотков, хотя пальцы сами тянули бутылку обратно к губам.

Люциан смотрел на это без выражения. Не с жалостью. Не с превосходством. Просто отмечал. Это бесило почти так же сильно, как камеры.

— У тебя есть вода, — сказала Айрис.

— Да.

— И аптечка.

— Да.

— И комната.

— Клетка, — поправил он.

Айрис усмехнулась зло.

— С водой.

— Позолоченная клетка всё равно закрывается снаружи.

Она посмотрела на дверь, потом на стены, на экраны, на камеру в углу. Комната действительно была странной. Не роскошной. Никакого мягкого кресла, ковров, личных вещей, ничего, что говорило бы о доме или хотя бы привычке к месту. Узкая койка у стены была заправлена слишком ровно, будто на ней почти не спали. Металлический стол стоял под экранами. На нём — бутылки воды, бинт, маленький медицинский ящик, несколько листов с пометками, сделанными тупым серым грифелем, и кусок ткани, аккуратно сложенный вдвое. На дальней стене темнели следы ударов: костяшками, ладонью, может быть, чем-то металлическим. Пол был чистым, но в углах всё равно жила пыль. Обсерватор умел стерилизовать боль, но не мог сделать её уютной.

Один из экранов над столом был выключен. Второй показывал коридор, где они недавно бежали. Третий — чёрное стекло за её спиной. Айрис отвернулась от него первой. Люциан взял с медицинского ящика рулон бинта и бросил на стол ближе к ней.

— Завяжи руку.

— Сам завяжешь?

— Нет. Ты ещё не настолько бесполезна.

Айрис резко посмотрела на него. В его голосе не было издёвки. И почему-то это не смягчало фразу, а делало её более неприятной. Он не пытался унижить её ради удовольствия. Он просто сказал то, что считал фактом.

Она взяла бинт одной рукой, зубами помогла разорвать край, неловко обмотала ладонь. Получилось плохо. Слишком туго у основания пальцев, слишком свободно на месте ожога.

Люциан видел. Ничего не сказал. Айрис пришлось терпеть и боль, и собственную неумелость. И это тоже было уроком: если она хотела быть человеком, который сам держится на ногах, ей придётся терпеть и собственную неумелость.

— Зачем ты здесь? — спросила Айрис, затягивая бинт.

— Я уже сказал.

— Нет. Экрэн сказал.

Люциан чуть повернул голову к одному из мониторов.

— Экрэн часто говорит правду. Просто не всю.

— Ты наставник?

— Так они это называют.

— А ты как называешь?

Он посмотрел на неё.

— Задержкой.

Айрис нахмурилась.

— Чего?

— Твоей смерти.

Айрис сжала бинт так резко, что пальцы заболели.

— Ты думаешь, я умру?

— Здесь все умирают, если достаточно долго верят, что с ними будет иначе.

— А ты?

— Я перестал верить достаточно рано.

Он сказал это без гордости. Без вызова. Так, будто признался не в силе, а в утрате.

Айрис вдруг вспомнила лицо Кассии перед белой дверью. Её «нет». Не страх. Злость. Узнавание. И ещё то, как она сказала его фамилию: Блайт.

— Кассия тебя знает.

— Да.

— Она тебя боится?

— Кассия слишком умна, чтобы бояться только людей.

— Это не ответ.

— Привыкай, — сказал Люциан. — Здесь ответы редко дают целиком.

Айрис сделала шаг ближе к нему.

— Она сказала, к тебе лучше не попадать добровольно.

— И всё равно пошла за тобой.

— Потому что за нами были гончие.

— Нет, — сказал Люциан. — Потому что она уже вмешалась. После этого нейтралитет существует только до следующего экрана.

На одном из экранов вспыхнула строка.

ЛИНИЯ ФАВОРИТА: АКТИВИРОВАНА
ОБЪЕКТ 27: ПЕРВИЧНАЯ ПОДГОТОВКА

ОБЪЕКТ 03: НАСТАВНИК

ЦЕЛЬ: СНИЖЕНИЕ НЕПРЕДСКАЗУЕМОСТИ

Айрис прочитала строки дважды. Потом медленно повер-

нулась к Люциану.

— Снижение непредсказуемости.

— Да.

— То есть ты здесь, чтобы сделать меня удобной.

— Да.

Айрис на секунду потеряла ответ.

— И ты просто признаёшь это?

— Если я совру, тебе станет легче?

— Мне станет понятнее, на чьей ты стороне.

Люциан посмотрел на неё долго, почти устало.

— Ты всё ещё думаешь, что здесь есть стороны.

— Есть.

— Нет. Есть люди, которых используют. И люди, которые учатся использовать систему в ответ.

Айрис сжала бинт на ладони.

— Ты говоришь как они.

— Потому что они говорят на языке, который здесь убивает тех, кто его не понимает.

— Ты назвал Тео поводомком.

— Нет, — сказал Люциан. — Они назвали. Я просто не делаю вид, что верёвка исчезает, если подобрать красивое слово.

Айрис шагнула к нему ещё ближе.

— Он человек.

— Для тебя — да. Для них — способ открыть тебе дверь.

— Не называй его так.

— Тогда начини думать так, чтобы им не пришлось.

Айрис открыла рот — и не нашла, чем ответить.

Люциан подошёл к металлическому столу, нажал на старую панель под одним из экранов. На мониторе с коридором картинка сменилась. Сначала помехи, потом запись. Айрис увидела себя — не так, как помнила, а как видела камера.

Вот она в первой комнате. Красный свет. Связанные руки. Камера крупно берёт её лицо, когда она сдерживает второй крик.

Вот Тео в коридоре, его рука тянет её в нишу. Запись чуть замедлена, его пальцы на её рукаве показаны дольше, чем длился сам жест.

Вот две бутылки воды. Вот она протягивает одну ему.

Кадр задерживается на бутылке так долго, что помощь выглядит почти клятвой. Потом таймер. Тео делает шаг назад. Запись приближает его лицо. Слишком крупно Слишком долго. Айрис помнила этот момент иначе: короткий, рваный, почти не успевший стать поступком. На экране он выглядел как выбор, растянутый до предательства.

— Выключи, — сказала она.

Люциан не выключил. На экране Кассия ведёт их по коридору. Монтаж делает её холоднее: убраны секунды, где она оборачивается, проверяя, успевает ли Тео; оставлены только резкие движения и сухие фразы.

Потом Айрис у вентиля. Пар. Женщина с перевязанным глазом. Белая линия. Её рука на рукаве Тео. Кассия говорит

«нет». Айрис говорит «тогда оставайся». Эта фраза на записи прозвучала жёстче, чем была. Айрис медленно подошла к экрану.

— Это не так было.

Люциан посмотрел на неё внимательнее.

— Было достаточно похоже, чтобы им поверили.

— Они вырезали паузы.

Он молчал. Айрис вглядывалась в кадры, и внутри неё вдруг просыпалось не только отвращение, но и что-то знакомое. Не спокойствие — нет. Скорее навык, автоматический и цепкий. Она видела склейки. Видела, где звук сдвинут на долю секунды, где взгляд Тео задержан дольше реального, где камера выбрала угол так, чтобы её рука на бутылке стала почти обещанием, а его шаг назад — почти изменой. Она видела, что именно оставили, а что убрали. Видела, где пауза стала смыслом, а чужой страх — доказательством.

— Они монтируют, — сказала она тихо.

Люциан не ответил сразу.

— Да.

— Это ложь.

— Нет, — сказал он. — Ложь легче опровергнуть.

Айрис повернулась к нему.

— Тогда что это?

— Ракурс.

Она снова посмотрела на экран. Там Айрис из записи выбрала белую линию. И выглядело это не как отчаянная по-

пытка спасти всех. А как добровольный вход. Айрис почувствовала тошноту.

— Они делают нас такими, какими им удобно.

— Они делают вас такими, какими за вас готовы платить.

Она резко посмотрела на него.

— А тебя?

На этот раз пауза была длиннее.

— Меня они сделали раньше.

Эта фраза повисла между ними тихо, почти незаметно, но Айрис почувствовала в ней что-то, чего до этого в Люциане не было. Не боль даже. След от боли. Будто он на секунду сказал больше, чем собирался.

Динамик щёлкнул.

— Уровень когнитивной адаптации объекта 27 повышен,

— произнёс он.

Люциан посмотрел на камеру.

— Ты сам привёл её ко мне.

— Именно поэтому процесс представляет интерес.

На экране появилась новая картинка. Айрис сразу узнала Тео. Он и Кассия шли по узкому коридору. Кассия держала его за плечо, почти тащила. Тео хромал. Камера была далеко, изображение зернилось, но Айрис всё равно видела, как он оглядывается снова и снова, будто ищет её даже там, где её не могло быть. Где-то за ними мелькнул красный свет. Айрис шагнула к экрану.

— Где они?

Люциан не ответил.

— Где они?!

На изображении Кассия остановилась, подняла руку, заставляя Тео замереть. В дальнем конце коридора появилась тень. Потом ещё одна. Гончие не отступили. Они просто сменили направление.

Голос Куратора стал мягким.

— Объект 27 может запросить вмешательство наставника.

Айрис повернулась к Люциану.

— Помоги им.

Он смотрел на экран.

— Нет.

Ответ был мгновенным. Сухим. Без сожаления. Айрис будто ударили.

— Ты можешь.

— Могу.

— Тогда помоги!

— Нет.

Она шагнула к нему, почти вплотную.

— Они сейчас погибнут.

— Возможно.

— И ты просто будешь стоять?

Люциан наконец посмотрел на неё.

— Именно этого они ждут.

— Что?

— Чтобы ты попросила.

Айрис сжала кулаки.

— Я уже попросила.

— Да. И теперь они знают, что это работает.

На экране Тео прижался к стене. Кассия заглянула за угол.

Тень стала ближе. Айрис почувствовала, как внутри всё ломается от бессилия.

— Ты больной.

— Нет.

— Тогда кто ты?

— Тот, кто уже просил вслух.

Он сказал это так тихо, что Айрис скорее прочитала фразу по его губам, чем слышала.

Люциан отвернулся от неё и нажал на панели несколько клавиш. Люциан нажал несколько клавиш без спешки — так, будто просто менял настройку экрана. Не бросался к экрану, не отдавал приказов, не спорил с Куратором. Просто коснулся двух переключателей, потом повернул маленький регулятор.

На экране в коридоре моргнула лампа. Потом ещё одна. Вентиляция загудела громче. Картинка пошла полосами. Красная точка камеры на секунду потеряла фокус. Кассия резко подняла голову, будто слышала что-то, и без колебаний потащила Тео в боковой проход, который до этого почти сливался со стеной. Гончие выскочили на секунду позже. И побежали мимо. Айрис замерла. Люциан убрал руку с пане-

ли.

— Ты сказал «нет», — тихо произнесла она.

— Да.

На экране Тео и Кассия исчезли в тёмном проходе.

Айрис повернулась к нему.

— Но помог.

— Да.

— Почему?

— Потому что если я скажу «да», они сделают из твоей просьбы кнопку. Нажмут ещё раз, когда захотят.

Айрис смотрела на него и впервые не знала, что сказать. Он отказал. И помог. Он был жесток. И прав. Эта смесь была хуже простой ненависти. Ненависть хотя бы не требует думать.

— Значит, весь твой урок в том, чтобы ничего не чувствовать? — спросила она.

Люциан посмотрел на экран, где коридор снова пустел.

— Нет.

— Тогда в чём?

— Чувствовать так, чтобы они не видели, куда бить.

Айрис молчала. Внутри неё что-то сдвинулось. Не доверие. Нет. До доверия было так далеко, что само слово казалось смешным. Но теперь она понимала: его холод не был пустотой. Он был стеной. Возможно, уродливой, высокой, с колючей проволокой по верху, но стеной. И где-то за ней что-то всё ещё было живо.

ОТКЛОНЕНИЕ ЛИНИИ 03: ЗАФИКСИРОВАНО НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ КОРРЕКЦИЯ МАРШРУТА: ПОДТВЕРЖДЕНА

Северин молчал слишком долго. Потом один из выключенных экранов над столом включился сам. Не тот, где были Тео и Кассия. Другой.

Сначала по нему прошла рябь. Потом чёрно-белая запись, старая, зернистая, с датой в углу, которую Айрис не успела разобрать. Изображение дёрнулось, стабилизировалось.

Стекло. Прозрачная перегородка, похожая на ту, что только что разделила её с Тео. По одну сторону стояла девушка. Светлые волосы прилипли к лицу. На виске тёмное пятно крови. Ладони прижаты к стеклу. Она что-то говорила, но звук сначала не включился. Её рот открывался и закрывался в полной тишине, и от этого запись казалась ещё страшнее.

По другую сторону стекла стоял Люциан. Моложе. Не намного, но достаточно, чтобы Айрис сразу увидела разницу. Тогда в нём ещё было движение. Не спокойствие, а попытка держаться спокойно. Не пустота — усилие. Тогда он ещё удерживал себя заметно.

Его рука была на стекле напротив её ладони. Между ними оставалась только прозрачная перегородка. Айрис перестала дышать. Люциан рядом с ней тоже замер. Впервые за всё время. Не резко. Не театрально. Просто его рука остановилась на краю панели, пальцы чуть согнулись, а взгляд стал таким пустым, что Айрис поняла: он не ожидал этого. Или

ожидал всегда. Но надеялся, что не при ней. На экране появился текст.

АРХИВНАЯ СВЯЗЬ: МАРА

РЕАКТИВАЦИЯ ПО ЗАПРОСУ НАБЛЮДАТЕЛЕЙ

Звук включился. Девушка за стеклом ударила ладонью.

— *Люциан, пожалуйста.*

Айрис посмотрела на него. Он не двигался. Запись продолжалась. Молодой Люциан на экране что-то сказал. Звук захрипел, слова распались в помехах. Девушка заплакала, но не отступила от стекла.

Северин произнёс мягко:

— Наблюдатели сочли параллель выразительной.

Айрис почувствовала, как воздух в комнате стал ледяным. Люциан медленно поднял глаза к камере.

В его лице почти ничего не изменилось. Почти. Но Айрис уже успела понять, что у него «почти» значит больше, чем у других — крик.

— Выключи, — сказал он.

Голос был тихим, но Айрис почему-то сразу поняла: это не просьба.

— Архивный материал одобрен для демонстрации, объект 03.

Люциан не моргнул.

— Выключи.

На экране девушка снова ударила по стеклу.

— *Не уходи.*

Последнее слово утонуло в помехах. Айрис резко посмотрела на запись. Молодой Люциан по ту сторону стекла стоял неподвижно. Потом медленно убрал руку. Айрис почувствовала, как у неё похолодели пальцы.

Люциан рядом с ней сделал один шаг к экрану. Не к панели. К экрану. Словно на секунду забыл, что прошлое нельзя достать руками. Айрис хотела спросить, кто такая Мара. Но не спросила. Потому что Люциан смотрел на экран так, будто имя уже было ответом. Девушка на записи снова произнесла его имя. Тише. Слабее.

И прежде чем Обсерватор успел показать больше, Люциан ударил ладонью по панели так сильно, что металл глухо звякнул. Экран погас.

После выключенного экрана стало слышно только дыхание Люциана.

Он стоял спиной к ней, пальцы всё ещё лежали на выключенной панели, и впервые с момента их встречи Айрис поняла: Фаворит был не тем, кого Обсерватор не мог сломать. Он был тем, кого однажды сломали так аккуратно, что трещины стали частью формы.

Люциан не обернулся.

— Не спрашивай, — сказал он.

Айрис смотрела на чёрный экран. На своё отражение рядом с его. И всё равно спросила:

— Что ты сделал с ней?

Вопрос вырвался раньше, чем Айрис успела понять, куда

бьёт. Ответа не было. Только камера над ними тихо повернулась ближе. Не к Айрис. К нему.

Люциан поднял голову, и в этом движении не было страха. Только усталое узнавание человека, который слишком поздно понял, что снова дал им именно то, чего они хотели.

Экран оставался чёрным. Но на его поверхности вдруг вспыхнула одна строка.

РЕАКЦИЯ ОБЪЕКТА 03: ЗАФИКСИРОВАНА

Айрис почувствовала, как холод медленно расползается по груди. Она не сразу поняла, что произошло. Потом поняла. Её вопрос тоже стал материалом.

Её голос. Его молчание. Поворот камеры. Эта слишком ровная пауза между ними.

Обсерватор не просто показал ей чужую боль. Он дал ей задеть чужую боль — и записал, как Люциан дрогнул.

Люциан наконец обернулся. Его лицо снова было спокойным, только челюсть оставалась напряжённой.

— Вот теперь, — сказал он тихо, — ты тоже участвуешь.

Айрис хотела возразить. Сказать, что не хотела. Что не знала. Что это не её вина.

Но слова застряли в горле, потому что впервые за всё время она поняла: Обсерватору не нужна была её вина. Ему хватало её присутствия.

Камера продолжала смотреть на них обоих: на новенькую, которая только что задала неправильный вопрос, и на Фаворита, который стоял в собственной комнате так, будто стены

держали не только её.

И тогда Айрис впервые подумала, что в этой комнате заперли не только её.

Глава 4. Урок первый

После этих слов Айрис долго не могла вдохнуть.

Не потому, что Люциан повысил голос. Он не повысил. Не потому, что экран снова включился. Экран оставался чёрным. А потому, что впервые с момента пробуждения Айрис почувствовала: в Обсерваторе можно причинить боль, даже не понимая, что держишь в руках нож.

Камера над ними смотрела молча. В чёрном стекле погасшего экрана всё ещё отражались они оба: Люциан у панели, неподвижный до неприятного, будто любое движение могло стать продолжением записи; и она — с плохо перевязанной ладонью, с резакom в руке, с лицом человека, который только что понял, что одного вопроса бывает достаточно, чтобы вскрыть чужую рану.

Айрис хотела сказать, что не знала. Хотела сказать, что не хотела. Хотела сказать, что если бы понимала, чем это станет, то промолчала бы. Но чем дольше она смотрела на его спину, тем яснее понимала: в этой комнате такие слова звучали бы не оправданием, а ещё одним материалом. Камера взяла бы её раскаяние крупным планом. Северин назвал бы это «первичным формированием эмпатической связи». Наблюдатели решили бы, трогает ли их вина новенькой. А Люциан вновь стал бы не человеком, которому больно, а объектом, реакция которого подлежит анализу.

И всё равно она сказала:

— Я не знала, что они это используют.

Люциан не сразу обернулся. Несколько секунд он продолжал стоять у панели, пальцы всё ещё лежали там, где погасил экран. Айрис видела только его профиль, ровную линию скулы, напряжение у челюсти и едва заметную складку между бровями. Потом убрал руку.

— Теперь знаешь.

Голос у него был обычный. И от этого стало хуже.

— Я не хотела.

— Обсерватору не важно, чего ты хотела.

Айрис сжала резак.

— Мне важно.

Люциан наконец повернулся. Лицо снова стало ровным. Только челюсть оставалась напряжённой. Но теперь Айрис уже знала, что его «почти» нельзя читать как пустоту. Его «почти» было дверью, которую закрыли изнутри.

— Здесь намерения никого не интересуют, — сказал он.

— Только то, что получилось снять.

— Я не использовала тебя.

— Нет.

Ответ прозвучал быстрее, чем она ожидала. Айрис моргнула. Люциан посмотрел на камеру.

— Они использовали тебя.

Легче не стало. Теперь Айрис просто понимала: её можно использовать даже без согласия.

— Значит, что? — спросила она. — Мне теперь вообще ничего не говорить? Не спрашивать? Не смотреть? Не дышать слишком громко?

— Дышать можно, — сказал Люциан. — Пока они не поймут, за кого ты задерживаешь дыхание.

Айрис резко усмехнулась.

— Ты всегда так отвечаешь?

— Как?

— Так, чтобы хотелось ударить тебя ещё раз.

— Обычно это помогает запоминать.

Она отвернулась к погасшему экрану. Чёрная поверхность теперь не показывала Мару, но от этого не стала пустой. Айрис всё ещё видела девушку за стеклом. Ладони на прозрачной перегородке. Кровь у виска. Молодого Люциана по другую сторону. Его руку, которую он убрал. И собственный вопрос. Что ты сделал с ней?

Айрис закрыла глаза на секунду. Ошибки здесь не исчезали, когда экран гас.

— Если хочешь кого-то сохранить, — сказал Люциан, — перестань выглядеть так, будто он тебе нужен.

Айрис открыла глаза.

— Ты про Тео.

— Я про всех, кто может стать рычагом.

— Не называй его рычагом.

— Тогда не держи его так, чтобы за него было удобно тянуть.

Она повернулась к нему.

— То есть мне надо делать вид, что мне плевать?

— Нет.

— А что?

— Врать не обязательно. Достаточно не показывать, где правда.

Айрис смотрела на него, чувствуя, как злость снова поднимается в груди. Не чистая, не простая. Смешанная с усталостью, жадой, виной и этим новым, отвратительным пониманием: он не издевался. Не пытался её сломать словами. Просто ставил перед ней правила комнаты, в которую она уже попала.

— Я не хочу становиться такой, как ты, — сказала она.

Люциан выдержал её взгляд.

— Хорошо.

Ответ сбил её сильнее, чем спор.

— Хорошо?

— Если однажды захочешь, значит, они уже сделали своё.

Айрис не нашлась что сказать. Где-то в стене щёлкнул замок. Не громко. Почти буднично. Но после этого звука всё внутри неё сжалось. В дальней части комнаты, там, где раньше стена казалась цельной, открылась узкая вертикальная щель. Из неё потянуло холодным воздухом, пахнущим пылью, металлом, перегретыми лампами и старой проводкой.

Люциан посмотрел на проход.

— Идём.

Айрис не двинулась.

— Куда?

— На первый урок.

Смех дёрнулся в горле и сразу оборвался.

— Ты серьёзно?

— Да.

— Сейчас?

— Нет смысла учить тебя прятать реакцию, пока они не дали тебе новую.

Она посмотрела в темноту прохода.

— А если я не пойду?

— Тогда они выберут урок без меня.

Айрис хотела спросить, чем это хуже. Но уже знала.

Она сунула резак за пояс, хотя теперь он казался не оружием, а частью декорации, которую Обсерватор специально оставил в кадре. Потом поправила бинт на ладони и пошла за Люцианом.

Проход оказался слишком узким для двух человек. Люциан шёл впереди, не оглядываясь, будто был уверен, что она последует. Стены здесь были не гладкими, как в коридорах, а техническими: панели, кабельные каналы, старые маркировки, местами содранная краска. Свет шёл тонкими полосами из-под потолка и вспыхивал неравномерно, будто эта часть здания существовала не для Наблюдателей, а для тех, кто когда-то строил клетку и не думал, что её придётся показывать красиво.

Айрис впервые увидела Обсерватор не как сцену. Как механизм. И это почему-то пугало сильнее: сцену можно было разоблачить, но механизм продолжал работать даже без зрителей.

— Ты можешь просто так выходить? — спросила она.

Люциан не обернулся.

— Нет.

— Но дверь открылась.

— Потому что им нужно, чтобы я вышел.

— А когда тебе нужно?

Он замедлил шаг ровно настолько, чтобы она заметила паузу.

— Тогда мне быстро объясняют, что я перепутал желание с разрешением.

Айрис посмотрела на его спину.

— Чем напоминают?

— Ты уже видела.

Мара.

Айрис не произнесла имени. Но оба поняли, о ком он говорит.

Айрис прикусила язык. Не потому, что ей стало нечего спросить. Вопросов было слишком много. Кто она была? Что случилось? Почему Люциан остался? Почему Обсерватор держит эту запись как нож под рёбрами? Но она уже один раз спросила. И камера повернулась к нему. Теперь она молчала не из послушания. Из злости на систему, которая на-

учила её бояться собственного любопытства.

Коридор закончился низкой дверью без ручки. Люциан приложил два пальца к маленькой панели, и дверь открылась не сразу. Сначала над ней мигнул жёлтый индикатор. Потом где-то за стеной прошёл сухой металлический звук. Айрис заметила камеру в углу. Красная точка слабо горела под потолком. Люциан не выходил.

— Сколько камер? — спросил он.

Айрис напряглась. Она посмотрела на угол с красной точкой. Потом на противоположную стену, где в металлической решётке вентиляции чернел маленький круг. Вторая. Она перевела взгляд по швам панелей, по потолку, по полу, по двери.

— Две, — сказала она.

— Три.

Айрис сжала зубы.

— Где?

— Если я скажу, урок станет короче.

Она бросила на него злой взгляд, но снова стала смотреть. Не туда, где было очевидно. Красная точка сразу цепляла взгляд. Айрис заставила себя смотреть мимо неё. Провела взглядом по стене рядом с дверью, потом выше, где кабельный канал уходил под потолок. Ничего. Ни линзы, ни блика. Она шагнула ближе к панели доступа. Там, в чёрном пластике, рядом с царапиной, была крошечная матовая точка. Без огонька. Без отражения. Если бы не едва заметный круг пы-

ли вокруг неё, Айрис приняла бы её за дефект поверхности.

— Здесь, — сказала она тихо.

Люциан наконец посмотрел туда, куда она смотрела.

— Лучше.

— Почему без красного огонька?

— Потому что красный огонёк — не всегда камера.

Айрис нахмурилась.

— Что?

— Красный огонёк — приглашение смотреть не туда.

Дверь перед ними открылась полностью. За ней был обычный коридор Обсерватора: гладкий бетон, белые линии на полу, холодный свет, камеры с аккуратными корпусами. После технического прохода он выглядел подготовленным: чистый бетон, ровный свет, камеры на видных местах. Айрис впервые поймала себя на том, что не верит даже стенам.

Они вышли. Люциан шёл рядом теперь, не впереди. Но расстояние между ними оставалось таким, будто это тоже было рассчитано: достаточно близко, чтобы он успел остановить её, и достаточно далеко, чтобы камера не смогла легко назвать это защитой.

— Ты делаешь это специально? — спросила Айрис.

— Что?

— Идёшь так.

— Да.

— Почему?

— Потому что если я встану между тобой и угрозой, они

поймут, что угроза работает.

Айрис коротко выдохнула.

— Даже расстояние?

— Особенно расстояние.

Они свернули направо. На полу белая линия сменилась серой. Потом серую пересекла тонкая жёлтая полоса. Айрис замедлилась, но Люциан не остановился.

— Что значит жёлтая?

— Ничего постоянного.

— Очень полезный ответ.

— Цвета меняют значение в зависимости от сценария.

— То есть им тоже нельзя доверять.

— Цвет показывает, что они хотят от тебя сейчас. Не то, что там безопасно.

Айрис хотела съязвить, но не успела. Впереди коридор расширился. За прозрачной перегородкой виднелось помещение — большое, но не похожее на арену. Низкий потолок, серые стены, несколько закрытых ящиков в одной стене, белые квадраты на полу. В каждом квадрате стоял человек. Один кашлял в рукав. Другой держал руку прижатой к боку. Кто-то смотрел в пол, кто-то — на ящики в стене. Их было девять или десять. Айрис не сразу сосчитала.

Потому что увидела Тео. Он стоял во втором ряду, ближе к правой стене. Живой. Слишком бледный, с пересохшими губами и грязной полосой на щеке. Одна штанина была порвана ниже колена, и он держал вес так, будто нога болела.

Рядом с ним стояла Кассия — не в его квадрате, но достаточно близко, чтобы если он дёрнется, она успела схватить его за локоть. Айрис остановилась. Тео поднял голову в ту же секунду. И весь его вид изменился. До этого он казался просто измученным. Уставшим. Испуганным, как все здесь. Когда он увидел Айрис, лицо у него дрогнуло. Он почти улыбнулся — и сразу испугался этого.

Он сделал короткое движение вперёд. Кассия тут же положила ему руку на грудь, не глядя на него. Айрис тоже шагнула. Люциан сказал так тихо, что это было слышно только ей: — Не смотри на него.

Но было поздно. Она уже смотрела. На стене над ящиками включилась панель.

СВЯЗЬ ОБЪЕКТОВ 27 И 19: АКТИВНА
РЕАКЦИЯ ОБЪЕКТА 27 НА ОБЪЕКТ 19: ЗАФИКСИРОВАНА

ИНТЕРЕС НАБЛЮДАТЕЛЕЙ: ПОВЫШЕН

Тео прочитал. Айрис увидела, как он тоже понял. Они ничего не сделали. Ни слова. Ни прикосновения. Ни выбора. Только посмотрели друг на друга. И этого хватило.

Кассия повернула голову к Айрис. Её лицо оставалось спокойным, но взгляд был острым, как лезвие. Не будь душой, говорила она. Айрис услышала это так же ясно, как если бы Кассия произнесла вслух. Динамик над помещением щёлкнул.

— Первичная подготовка требует практического закреп-

ления, — сказал Северин. — Реакция объекта 27 поступила своевременно.

Айрис почувствовала, как пальцы сжались сами.

— Не отвечай, — тихо сказал Люциан.

Она не ответила. Северин выдержал паузу, будто тоже отметил это молчание.

На одной из стен открылся узкий прозрачный отсек. Внутрь лежал серый мягкий пакет с пластиковой крышкой размером с ладонь, запаянный в плотный пластик. На нём были чёрные буквы:

РАЦИОН ВОССТАНОВЛЕНИЯ

600 ККАЛ

ЭЛЕКТРОЛИТЫ

АНАЛЬГЕТИК НИЗКОЙ ДОЗЫ

Айрис посмотрела на Тео. На его ногу. На то, как он стоит, будто каждая секунда на весу забирает силы. Люциан рядом едва заметно повернул голову.

— Не смотри на него.

— Заткнись, — прошептала она.

— Они уже знают, что он тебе нужен. Не помогай им понять, насколько.

Панель вспыхнула новыми строками.

РАСПРЕДЕЛЕНИЕ РЕСУРСА

ОБЪЕКТ 27 ПОЛУЧАЕТ ПРАВО ПЕРЕДАЧИ

ДОСТУПЕН ОДИН РЕСУРС

ПЕРЕДАЧА ВОЗМОЖНА ТОЛЬКО ОДНОМУ

ОБЪЕКТУ

ВРЕМЯ ВЫБОРА: 01:00

Айрис медленно повернулась к Люциану.

— Они делают это специально.

— Да.

— Потому что я посмотрела на него.

— Потому что ты уже однажды дала ему воду.

Цифры начали убывать.

00:59

00:58

В помещении стало тише. Даже те, кто до этого кашлял, перестали. Все участники смотрели на Айрис теперь иначе. Не как на новенькую. Как на человека с ресурсом. На человека, чей выбор мог стать едой, болью, облегчением, доказательством, ошибкой.

Она увидела женщину с перевязанным глазом. Ту самую.

В прошлый раз она кричала Айрис из темноты, что Тео всё равно её сдаст. Тогда её голос был грубым, злым, почти торжествующим. Теперь она стояла в дальнем квадрате, ближе к Кассии и Тео, но чуть впереди. Повязка на глазу потемнела по краю. На губе запеклась кровь. Одна рука висела странно, будто плечо было выбито или сильно ушиблено. Она смотрела на пакет не жадно даже — хуже. Так смотрят не на еду, а на шанс не упасть.

Айрис узнала её. Женщина тоже узнала Айрис. И усмехнулась одним уголком рта, будто хотела показать, что не ста-

нет просить.

— Если отдашь ему, — сказал Люциан, — его снова сделают твоей кнопкой.

Айрис не отрывала взгляда от Тео.

— Если не отдам, он подумает, что я его бросила.

— Значит, найди третий вариант.

Она почти возненавидела его за эту спокойную невозможность. Третий вариант. Здесь не было третьего варианта. Был пакет. Были люди. Был таймер. Был Тео, который едва держался на ногах и всё равно смотрел на неё так, будто верил, что она найдёт способ.

00:44

Айрис заставила себя смотреть не на него. Сначала на камеры. Одна над входом. Вторая у ящиков. Третья — низко, почти на уровне пола, чтобы снимать руки и передачи. Красная точка горела только у верхней. Значит, Люциан был прав: очевидное показывали, чтобы скрыть важное.

Потом она посмотрела на квадраты. Участников поставили не случайно. Тео не был ближайшим к ней. Между ними было три белых поля и женщина с перевязанным глазом. Кассия стояла рядом с Тео, но её квадрат был смещён так, что если она наклонится к женщине, то на секунду перекроет низкую камеру плечом. Не полностью. Но достаточно, чтобы мелкое движение стало спорным.

И этого могло не хватить. Скорее всего, не хватило бы. Но другого у неё не было. Айрис почувствовала, как мысль

щёлкнула внутри. Не доказать. Надо не дать им доказать.

00:31

— Объект 27, — мягко сказал Северин, — задержка выбора также является выбором.

Прозрачная перегородка перед ними дрогнула и ушла в стену. Не вся — только узкий проход, достаточный для одного человека. Айрис поняла: её не просто привели посмотреть. Её вывели на сцену.

Айрис медленно вытащила пакет из отсека. Пластик был холодным. На секунду ей показалось, что он тяжелее, чем должен быть. Смешно. На упаковке было написано: 600 ккал. Но все в секторе смотрели так, будто в её руке не пакет, а чья-то жизнь.

Тео смотрел на неё. Кассия смотрела тоже. Люциан не смотрел на Тео. Он смотрел на Айрис. Она шагнула вперёд. Тео выдохнул, решив, что она идёт к нему.

Айрис прошла мимо.

Она повернула налево и остановилась перед женщиной с перевязанным глазом. В помещении кто-то тихо выругался. Женщина подняла подбородок. В её единственном открытом глазу вспыхнуло недоверие.

— Серьёзно? — хрипло спросила она.

Айрис протянула пакет.

— Бери.

Женщина не сразу взяла. В Обсерваторе протянутая вещь редко была просто вещью.

— Я гналась за вами, — сказала она.

— Знаю.

— Я сказала, что он тебя сдаст.

Айрис почувствовала взгляд Тео сбоку. Очень близко. Очень больно.

— Знаю.

Женщина медленно взяла пакет. Её пальцы были грязными, ногти обломаны, кожа на костяшках рассечена. На секунду их руки едва не коснулись, и Айрис увидела, что женщина тоже дрожит. Не от страха. От истощения.

Панель вспыхнула.

ОБЪЕКТ 27 НЕ ВЫБРАЛА ОБЪЕКТ 19

ПРЯМОЕ МИЛОСЕРДИЕ К ОБЪЕКТУ 19: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНО

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ СВЯЗЬ: НЕСТАБИЛЬНА

ИНТЕРЕС НАБЛЮДАТЕЛЕЙ: ПОВЫШЕН

Тео прочитал это. Айрис не смотрела на него, но почувствовала, как что-то между ними тихо натянулось — и надорвалось не до конца, но достаточно, чтобы звук остался внутри. Женщина с перевязанным глазом усмехнулась вновь. Уже иначе.

— Не ожидала.

— Я тоже, — сказала Айрис.

Она действительно не знала, сработает ли.

Северин молчал. И это молчание было хуже комментария. Обсерватор ждал, что будет дальше. Искал, куда поставить

знак. Милосердие? Манипуляция? Отказ? Адаптация?

Женщина попыталась вскрыть пакет зубами. Не получилось. Рука у неё дёрнулась от боли, лицо исказилось, и она выругалась сквозь зубы. Кассия двинулась первой.

— Дай сюда, — сказала она резко.

Женщина прижала пакет к груди.

— Отвали.

— Ты его сейчас зубами сожрёшь вместе с пластиком.

— Не твоё дело.

— Всё здесь моё дело, если ты стоишь рядом и бесишь меня.

Кассия шагнула за границу своего квадрата. На панели тут же вспыхнуло:

ОБЪЕКТ 11: НАРУШЕНИЕ ПОЗИЦИИ
ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ
ДОПУСТИМАЯ КОРРЕКЦИЯ: 00:05

Кассия даже не посмотрела. Она выхватила пакет у женщины так грубо, что та качнулась вперёд и едва не ударила её плечом. Низкая камера повернулась. Кассия, будто случайно, встала к ней спиной. Айрис перестала дышать.

Кассия разорвала край пакета одним движением. Пластик хрустнул. Часть густой жидкости стекла в маленький мерный колпачок. Кассия раздражённо выругалась, отдёрнула руку не назад, а в сторону Тео.

— Держи, — бросила она, ткнув маленькую крышку с жидкостью ему в грудь. — Раз уж всё равно стоишь беспо-

лезно.

Тео машинально поймал. Его взгляд метнулся к Айрис. И вот тут он начал понимать. Айрис увидела, как в его глазах боль на секунду смешалась с догадкой. Но экран над ним мигнул раньше, чем догадка успела стать уверенностью.

ОБЪЕКТ 19 ПОЛУЧИЛ ВТОРИЧНЫЙ ДОСТУП К РЕСУРСУ

ПОСРЕДНИК: ОБЪЕКТ 11

ПРЯМАЯ ПЕРЕДАЧА 27/19: НЕ ПОДТВЕРЖДЕНА

Кассия сунула разорванный пакет обратно женщине.

— Ешь.

— Ты мне не командуй.

— Тогда умри молча, мне всё равно.

Женщина с перевязанным глазом оскалилась, но начала есть. Быстро, жадно, почти давясь. Тео стоял с крышкой в руке и не пил. Кассия наклонилась к нему, не меняя выражения лица.

— Пей, идиот.

Он вздрогнул и поднёс крышку к губам. Айрис почувствовала, как у неё внутри что-то ослабло. Он получил. Мало. Смешно мало. Но он всё-таки проглотил. Она помогла. И никто не мог написать на экране: **ОБЪЕКТ 27 ПЕРЕДАЛА РЕСУРС ОБЪЕКТУ 19**. Никто не мог доказать.

Кассия, не поворачивая головы, бросила на Айрис короткий взгляд. Не благодарный. Не тёплый. Просто точный. Учишься, Вейл. Айрис слышала это без слов.

Люциан рядом произнёс тихо:

— Лучше.

Она повернулась к нему.

— Лучше?

— Да.

— Это всё?

— Хочешь аплодисменты — попроси Северина.

Она едва не сорвалась, но в этот момент Тео наконец поднял глаза. И всё раздражение исчезло. Он смотрел на неё не так, как минуту назад. Надежда не пропала полностью. Но теперь в ней была трещина. Он видел, что ресурс дошёл до него, видел руку Кассии, видел разорванный пакет. Но первым выбором Айрис был не он. А Обсерватор уже подписал это за него.

ОБЪЕКТ 27 НЕ ВЫБРАЛА ОБЪЕКТ 19.

Одна строка на экране спорила с тем, что он видел сам. И выигрывала.

Люциан коснулся её локтя двумя пальцами. Этого хватило, чтобы она остановилась.

— Не двигайся.

— Он думает, что я его бросила.

— Да.

Она резко повернулась к нему.

— И ты хочешь, чтобы я просто стояла?

— Я хочу, чтобы он прожил достаточно долго и однажды понял.

Айрис почувствовала, как горло сжимается от злости.

— Ты вообще слышишь себя?

— Всегда.

— Это не нормально.

— Нормальное здесь умерло раньше нас.

— Не говори так.

— Тогда не проси меня врать.

Она попыталась выдернуть руку, но он уже отпустил. Он отпустил раньше, чем камера могла назвать это удержанием. Айрис ненавидела, что он успевал думать даже о таких вещах.

— Ты хотел, чтобы я не выбрала его, — сказала она.

— Нет.

— Не ври.

— Я хотел, чтобы они не смогли доказать, что ты выбрала его.

Она замолчала. Потому что это были разные вещи. И потому что она ненавидела, что теперь понимала разницу.

Сектор вокруг них начал меняться. Белые квадраты на полу погасли один за другим. Участники напряглись. Кто-то прижал к груди пустую флягу, будто даже её могли отнять. В Обсерваторе облегчение никогда не было финалом. Только паузой перед новым условием.

Панель над центральной стеной включилась вновь.

**ОБЪЕКТ 27 ДЕМОНИСТРИРУЕТ АДАПТАЦИЮ
ИМПУЛЬСИВНОЕ МИЛОСЕРДИЕ: СНИЖЕНО**

ЭМОЦИОНАЛЬНАЯ ПРОЗРАЧНОСТЬ: СНИЖЕ- НА РЕКОМЕНДАЦИЯ: УСИЛИТЬ ПРОВЕРКУ СВЯ- ЗИ

Айрис смотрела на строки, и холод медленно возвращался под кожу. Они не проиграли. Они просто поменяли метод.

— Люциан, — сказала она тихо.

— Вижу.

— Что это значит?

— Что ты стала менее удобной.

— Это хорошо?

— Для тебя — да.

Он посмотрел на Тео.

— Для него — сейчас нет.

Айрис резко повернулась. Перед Тео включился отдельный экран. Не общий. Не тот, который видели все. Маленькая панель в стене справа, на уровне его лица. С такого расстояния Айрис видела не весь текст — только крупные строки и белый отсвет на лице Тео.

ОБЪЕКТ 19: ВЫ НЕ БЫЛИ ВЫБРАНЫ ЗНАЧИМОСТЬ СВЯЗИ ДЛЯ ОБЪЕКТА 27: СНИ- ЖЕНА

Айрис шагнула бы вперёд, если бы Люциан снова не сказал:

— Нет.

Она остановилась сама. Не потому, что послушалась. По-

тому что уже знала: ещё один шаг станет подтверждением. Ещё один взгляд — новой строкой. Ещё одна попытка объяснить — сценой.

Тео продолжал читать. Его лицо менялось. Сначала непонимание. Потом обида. Потом что-то хуже — попытка спрятать обиду, чтобы она не досталась камерам. Он опустил крышку, из которой пил, и сжал её в пальцах так сильно, что пластик хрустнул. Кассия наклонилась к нему.

— Не верь первому варианту боли, — сказала она тихо.

Айрис не услышала бы, если бы не смотрела на их губы. Тео не ответил. Экран перед ним мигнул вновь. Айрис увидела последние строки.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ МАРШРУТ ДОСТУПЕН УСЛОВИЕ: НЕ СЛЕДОВАТЬ ЗА ОБЪЕКТОМ 27

Айрис сжала ладонь так сильно, что ожог под бинтом снова заболел.

— Нет, — выдохнула она.

Люциан посмотрел на неё.

— Тихо.

— Они предлагают ему уйти.

— Да.

— Из-за меня.

— Из-за связи.

— Это одно и то же.

— Нет. И если ты не научишься отличать, они будут выигрывать каждый раз.

Айрис смотрела, как Тео поднимает глаза. Их взгляды встретились вновь. Теперь Вейл уже знала, что камера ждёт этого. Знала, что строка, возможно, уже готова. Знала, что если она дрогнет, если сделает шаг, если губами произнесёт «не верь», Обсерватор получит именно то, чего хочет: доказательство, что Тео всё ещё кнопка.

Поэтому она не двинулась. Не сказала. Не подняла руку. Просто стояла рядом с Люцианом, чувствуя, как внутри рвётся что-то живое и упрямое. Тео смотрел на неё ещё секунду. Потом отвёл взгляд. Так просто. Так тихо. Будто не предал. Не отказался. Не выбрал маршрут. Он отвёл взгляд первым.

Айрис стиснула зубы, пока не заболела челюсть.

Северин заговорил мягко:

— Реакция объекта 19 зафиксирована. Наблюдатели отмечают положительную динамику разделения связей.

Айрис медленно повернула голову к ближайшей камере. Люциан напрягся рядом — едва заметно, но она уловила. Она могла сказать что-то. Могла послать Северина. Могла бросить резак в камеру, даже зная, что не попадёт. Могла подарить Наблюдателям крупный план злости. Вместо этого Айрис посмотрела не в красную точку. А ниже. В чёрную панель под ней, где едва заметно блестела вторая линза. Настоящая. И улыбнулась. Не широко. Не красиво. Просто достаточно, чтобы стало ясно: она увидела вторую линзу.

В динамике что-то щёлкнуло — будто Северин собирал-

ся продолжить, но передумал. Люциан посмотрел на Айрис с новым выражением. Очень коротким. Почти незаметным. Если бы она не училась читать его «почти», то пропустила бы.

— Что? — спросила она тихо.

— Ничего.

— Скажи.

Он перевёл взгляд на панель, где только что погасли строки.

— Теперь они знают, что ты смотришь.

— Это плохо?

— Это опасно.

— Ты сказал, что нужно смотреть.

— Я сказал, что нужно видеть. Показывать это — другой урок.

Айрис сжала челюсть.

— Ты невыносим.

— Жива?

Она хотела ответить резко. Но вопрос повис между ними неожиданно тяжело. Он спросил резко. Но не как куратор. Не как камера.

Айрис посмотрела на Тео. Он всё ещё не смотрел на неё. Кассия стояла рядом, напряжённая, готовая схватить его, если индивидуальный маршрут откроется прямо сейчас. Женщина с перевязанным глазом ела медленнее, наконец поняв, что если будет давиться, её вырвет, и весь ресурс исчезнет

в сливной решётке. Остальные участники смотрели кто на Айрис, кто на Тео, кто на камеры — каждый выбирал, какую версию происходящего ему безопаснее принять.

— Жива, — сказала Айрис.

Люциан кивнул.

— Тогда урок не провален.

— А Тео?

Люциан не ответил сразу.

— Тео получил ресурс.

— И строку на экране вместе с ним.

— Да.

— Ты говоришь так, будто это приемлемая цена.

— Нет. Я говорю так, будто это цена, которую уже взяли.

Разница есть.

Айрис закрыла глаза на секунду. Внутри неё всё ещё жило желание подойти. Объяснить. Вернуть его взгляд. Сделать так, чтобы Тео понял сейчас, сразу, без этой ядовитой паузы между ними. Но чем сильнее было это желание, тем яснее она понимала: Обсерватор именно его и ждал.

Двери в секторе открылись с двух сторон. Участников начали выводить по разным коридорам. Не руками. На полу загорались полосы, и люди шли по ним сами. Здесь уже знали: линия — не приказ. Просто отказ от неё стоит дороже.

Для Тео загорелась жёлтая линия. Не индивидуальный маршрут. Пока нет. Кассия увидела это одновременно с Айрис. Она резко взяла Тео за локоть и подтолкнула в сторону

общей серой полосы, которая вспыхнула рядом. Тео позволил ей. Но перед тем как уйти, всё же обернулся. Не полностью. Только головой, через плечо. Айрис стояла неподвижно. Он посмотрел на неё растерянно. Так, будто хотел верить ей, но экран успел раньше. Потом Кассия потянула его за собой, и он исчез в коридоре.

Женщина с перевязанным глазом задержалась у выхода. На секунду Айрис подумала, что та скажет что-то — насмешку, благодарность, предупреждение. Но женщина просто подняла пакет двумя пальцами, как тост, и хрипло произнесла:

— Плохая из тебя святая, Вейл.

Айрис посмотрела на неё.

— Я и не пыталась.

— Вот и хорошо, — сказала женщина. — Святые здесь долго не живут.

Она ушла по своей линии. Сектор опустел. Лампы над ящиками погасли. Панель с общими сообщениями выключилась. Но маленькая линза под красной камерой всё ещё смотрела. Айрис почувствовала, что устала так, будто бежала снова. Хотя всё время стояла на месте.

— Они назовут это отказом, — сказала она.

Люциан подошёл к двери, через которую они вошли.

— Уже назвали.

— Но это была помощь.

— Да.

— И это не имеет значения?

Он остановился.

— Имеет. Просто не для их версии.

Айрис посмотрела на пустой сектор. На белые квадраты на полу. На пустой отсек, где ещё недавно лежал ресурс. На место, где стоял Тео. Её первая помощь была простой: бутылка воды, протянутая человеку, который хотел пить.

Вторая — уже нет. Во второй были камеры, расчёт, чужие руки, боль, недоверие, экран со строкой и мальчик, который отвёл взгляд.

Айрис впервые помогла ему так, чтобы Обсерватор не смог назвать это милосердием.

И именно поэтому Обсерватор назвал это отказом.

Глава 5. Слепая зона

Люциан не дал ей долго смотреть на пустой сектор.

— Идём.

Айрис не сразу поняла, что он обращается к ней. Она всё ещё стояла там, где несколько секунд назад была линия Тео, и смотрела на серый пол, на погасшие белые квадраты, на пустой отсек в стене, где ещё недавно лежал ресурс. Казалось, если смотреть достаточно долго, сцену можно будет вернуть назад. Не исправить — хотя бы сделать понятнее. Чтобы Тео увидел не отказ. Чтобы помощь осталась помощью.

Но сектор уже опустел. Лампы погасли. Панели молчали. А маленькая линза под красной камерой всё ещё смотрела.

— Куда? — спросила Айрис.

Голос вышел хриплым. Она сама услышала, насколько устала.

— Отсюда.

— Очень конкретно.

Люциан посмотрел на неё.

— От экрана. Пока ты не стала частью их нарезки.

Айрис сжала пальцы.

— Что?

Он не ответил сразу. Просто пошёл к двери, через которую они пришли. Айрис несколько секунд стояла на месте, ненавидя его ровный шаг. Он двигался дальше так, будто

сцены не оставляли на нём следов. Потом пошла следом.

Коридор встретил их ровным белым светом и гулом вентиляции. После сектора распределения он казался вымытым и пустым, как коридор перед новой сценой. В Обсерваторе пустота никогда не успокаивала; она только означала, что следующий удар просто ещё не начался.

Они прошли всего несколько метров, когда стена слева вспыхнула. Айрис остановилась. На экране уже шла нарезка. Она. Тео. Пакет восстановления.

Камера взяла удобный угол: Тео смотрит на неё снизу вверх, измученный, бледный, едва держащийся на ногах. Айрис берёт ресурс. Таймер убывает. Тео ждёт. Крупный план его пальцев, сжатых в кулак. Крупный план её лица — слишком спокойного, потому что именно в тот момент она заставила себя не дрогнуть.

Потом она идёт. Проходит мимо него. Камера замедляет шаг. Не сильно. Чуть-чуть. Достаточно, чтобы расчёт превращался в холодность. Потом пакет оказывается в руках женщины с перевязанным глазом. Тео отворачивается.

На экране вспыхивает подпись:

ОБЪЕКТ 27: ПЕРВИЧНАЯ АДАПТАЦИЯ

ИМПУЛЬСИВНОЕ МИЛОСЕРДИЕ: СНИЖЕНО

СВЯЗЬ 27/19: НЕСТАБИЛЬНА

ПРЕОБЛАДАЮЩАЯ ИНТЕРПРЕТАЦИЯ: ОТКАЗ

Айрис почувствовала, как к горлу подступает тошнота.
— Где остальное? — спросила она.

Люциан стоял рядом и смотрел на экран так, будто видел не сцену, а схему.

— Какое остальное?

— Кассия. Колпачок. Тео получил часть ресурса.

— Получил.

— Тогда почему этого нет?

— Потому что это мешает версии.

Айрис резко повернулась к нему.

— Это ложь.

— Нет.

Айрис замолчала. Люциан посмотрел на неё.

— Хуже. Почти правда.

На экране снова повторили момент: Айрис проходит мимо Тео. Его взгляд. Её рука с пакетом. Женщина с перевязанным глазом. Надпись «ОТКАЗ».

— Выключи, — сказала Вейл.

— Не я включил.

— Тогда сделай что-нибудь.

— Сейчас «что-нибудь» — это не дать тебе броситься к экрану.

Она поняла, что действительно шагнула ближе. Не к Люциану. К экрану. Будто если разбить экран, исчезнет и эта версия.

— Он это увидит? — спросила она.

Люциан молчал. Айрис повернулась к нему.

— Люциан.

— Он увидит свою версию.

— Что значит «свою»?

— То, что сработает именно на него.

Айрис стало тошно. На экране нарезка сменилась. Теперь показывали не общий сектор, а отдельную маленькую панель перед Тео. Айрис увидела только часть изображения: его лицо, подсвеченное снизу, Кассию рядом, резкую линию её плеча. Тео читал системные строки. Те самые.

ОБЪЕКТ 19: ВЫ НЕ БЫЛИ ВЫБРАНЫ ЗНАЧИМОСТЬ СВЯЗИ ДЛЯ ОБЪЕКТА 27: СНИЖЕНА

Кассия что-то сказала ему. Без звука. Но Айрис уже знала слова. Не верь первому варианту боли. Тео не ответил.

Потом на записи его пальцы сжали пластиковый колпачок. Крупный план. Хруст. Пауза. Лицо Тео — крупно, долго, удобно для чужого вывода. Экран погас. Не потому, что Айрис попросила. Просто потому, что Обсерватор показал достаточно.

В другом коридоре экран не погас.

Тео всё ещё стоял перед маленькой панелью, и свет от неё делал его лицо серым. На экране больше не было Айрис. Только строки, ровные, холодные, не оставляющие места для сомнений.

**ОБЪЕКТ 19: ВЫ НЕ БЫЛИ ВЫБРАНЫ
ЗНАЧИМОСТЬ СВЯЗИ ДЛЯ ОБЪЕКТА 27: СНИЖЕНА**

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ МАРШРУТ ДОСТУПЕН

УСЛОВИЕ: НЕ СЛЕДОВАТЬ ЗА ОБЪЕКТОМ 27

Кассия стояла рядом. Не близко. Не мягко. Но достаточно, чтобы успеть схватить его, если он вдруг сделает шаг туда, куда ему предложили.

Тео не отрывался от строк. Пластиковый колпачок с остатками густой жидкости дрожал в его пальцах. Он ещё не допил всё. Наверное, забыл. Или не мог заставить себя допить. После строк на экране даже вкус ресурса стал другим.

— Не смотри на это так, — сказала Кассия.

Тео не повернулся.

— Как?

— Как будто тебе уже всё объяснили.

Он коротко усмехнулся. Звук вышел сухим, почти злым.

— Мне объяснили.

— Нет, — сказала Кассия. — Тебе показали.

Тео наконец посмотрел на неё. В его лице ещё была усталость, но теперь под ней проступало другое. Не ненависть. Не совсем. Скорее обида. Тео пытался сделать из неё злость, но пока не получалось.

— Она выбрала не меня.

Кассия склонила голову и посмотрела на него с усталой злостью.

— А ты сейчас стоишь с ресурсом в руке.

— От тебя.

— Через меня.

— Не от неё.

Кассия резко посмотрела на него, и Тео замолчал.

— Ты правда хочешь быть настолько удобным?

Он побледнел сильнее.

— Не надо.

— Надо. Потому что они только что положили тебе в рот не только электролиты, но и простую мысль: «Айрис тебя бросила». И ты уже начал ей верить.

Тео сжал колпачок. Пластик хрустнул.

— Ты не знаешь, что она думала.

— Конечно, не знаю.

— Тогда почему ты её защищаешь?

Кассия коротко подняла глаза к камере. Не на Тео. Не на экран. Именно на камеру — коротко, скучающе, будто та раздражала её больше, чем разговор.

— Я не защищаю её.

— Тогда что ты делаешь?

— Смотрю, где они врут.

Тео нахмурился. Кассия чуть наклонилась к нему. Голос стал тише.

— Если бы она выбрала тебя прямо, экран уже назвал бы это связью. Тебя бы снова сделали наживкой. Её — поводом. Меня — нарушением нейтралитета. Женщину с глазом — лишней переменной. Всё красиво. Всё понятно. Всё готово к следующему удару.

Тео молчал.

— А теперь у них есть спорная передача, моё нарушение

позиции и твоя обида, — сказала Кассия. — Обида хуже на вкус. Зато не всегда убивает сразу.

Он посмотрел на экран. Потом на колпачок в своей руке.

— Она могла сказать мне.

— На камеру?

— Хоть как-то.

— «Хоть как-то» здесь обычно становится отдельным испытанием.

Тео отвернулся. Кассия выдохнула через нос. Не раздражённо даже. Устало.

— Слушай меня внимательно, мальчик.

— Не называй меня так.

— Тогда не ведись как ребёнок.

Он резко посмотрел на неё, но она не дала ему вставить ни слова.

— Ты хочешь простой правды. Она выбрала тебя или не выбрала. Бросила или не бросила. За тебя или против тебя. Но в Обсерваторе простую правду обычно дают первой. Потому что её легче всего проглотить.

Тео сглотнул.

— А сложная?

Кассия посмотрела туда, где за поворотом исчезла Айрис. Хотя видеть её уже не могла.

— Сложная правда сначала вообще не похожа на правду. Экран перед Тео мигнул.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ МАРШРУТ ОСТАЁТСЯ

ДОСТУПНЫМ

ВРЕМЯ ПРИНЯТИЯ: 00:30

Кассия повернула голову к панели.

— Вот, — сказала она. — Видишь? Им очень надо, чтобы ты решил сейчас. Пока боль свежая.

Тео смотрел на обратный отсчёт.

00:29

00:28

Айрис не было рядом. Не было её голоса, её руки, её взгляда без камер. Были только строки. Кассия. Колпачок с ресурсом. И жёлтая линия у его ног. Ровная. Чистая. Слишком удобная.

— Если я пойду, — сказал Тео, — это будет предательство?

Кассия помолчала.

— Нет.

Он удивлённо посмотрел на неё.

— Нет?

— Они назовут это предательством. А что это будет на самом деле — другой вопрос.

Тео закрыл глаза на секунду.

— Я устал быть её слабостью.

Кассия не ответила сразу. Кажется, она слишком хорошо знала эту мысль.

— Тогда перестань пытаться доказать, что ты не слабость, — сказала она. — Просто не становись их инструментом.

Таймер дошёл до десяти.

00:10

Тео посмотрел на жёлтую линию.

Потом на серую, общую, ту, по которой должна была идти

Кассия.

— А если она правда учится без меня? — спросил он тихо.

Кассия фыркнула.

— Конечно, учится. Здесь никто не ждёт, пока остальные будут готовы.

— Ты поняла, о чём я.

— Поняла.

— И?

Кассия взяла его за локоть. Не грубо. Но крепко.

— И если хочешь однажды спросить её об этом сам, не уходи туда, где тебе обещают ответ вместо неё.

Таймер мигнул.

00:03

00:02

Тео стоял неподвижно. На последней секунде он сделал шаг. Не по жёлтой линии. По серой.

Экран перед ним погас.

ИНДИВИДУАЛЬНЫЙ МАРШРУТ: НЕ ПРИНЯТ

СВЯЗЬ 19/27: НЕОПРЕДЕЛЕНА

ДАЛЬНЕЙШАЯ ПРОВЕРКА РЕКОМЕНДОВАНА

Кассия отпустила его локоть.

— Умнее, чем выглядишь.

Тео не улыбнулся.

— Я всё ещё не знаю, верю ли ей.

— И не надо.

Он посмотрел на неё. Кассия пошла вперёд по серой линии.

— Пока хотя бы не спеши верить им первым.

Тео постоял ещё мгновение. Потом пошёл за ней.

Айрис же в это время стояла неподвижно, глядя на потухший экран. Она едва не шагнула вперёд: к Тео, к Кассии, к той маленькой панели, к любой возможности сказать «это не так». Её тело опять хотело действия. Хотелось объяснить. Сказать Тео, что он видел не всё.

Люциан сказал:

— Нет.

Она даже не успела двинуться.

— Я ничего не сделала.

— Уже сделала.

Айрис посмотрела на него с ненавистью.

— Ты теперь будешь запрещать мне даже думать?

— Нет. Просто предупреждать, когда ты уже собираешься сделать глупость.

Она стиснула зубы.

— Он думает, что я его бросила.

— Возможно.

— Не говори так.

— Он жив.

— Это не ответ.

— Сейчас другого ответа нет.

Айрис резко выдохнула.

— Для тебя.

Люциан остановился.

Впервые за всё время после сектора он посмотрел на неё не как на ученицу, не как на объект с непредсказуемой реакцией, а прямо. Не как на объект.

— Нет, — сказал он. — Для него.

Она замолчала.

— Если тебе нужно, чтобы он понял прямо сейчас, — продолжил Люциан, — значит, ты хочешь спасти не только его. Ещё и себя в его глазах.

Айрис почувствовала, как слова попали точно туда, где уже болело.

— Не смей.

— Для тебя, — сказал он всё равно.

Она шагнула к нему ближе.

— Я хотела, чтобы он не умер.

— Да.

— Я хотела, чтобы он получил ресурс.

— Да.

— Я не обязана чувствовать себя виноватой за то, что не хочу выглядеть в его глазах предателем.

— Нет. Не обязана.

Он не спорил. И от этого стало хуже.

— Тогда зачем ты это говоришь?

— Чтобы ты знала, за что они будут тянуть в следующий раз.

Айрис отвернулась. Коридор перед ними продолжался прямо, но Люциан вдруг свернул в узкий боковой проход, спрятанный за серой панелью. Если бы он не открылся сам, Айрис приняла бы его за шов в стене. Дверь пропустила их внутрь и закрылась за спиной с глухим металлическим щелчком.

Свет изменился. Не погас. Не стал красным. Просто перестал быть стерильным. Здесь лампы горели неровно, с небольшой дрожью. Стены были ближе. Трубы проходили на уровне плеч, в нескольких местах покрытые ржавыми пятнами. Воздух пах пылью, мокрым бетоном и старым металлом. Где-то за стеной работала вентиляция, но гул дробился, запинался, будто звук запаздывал и возвращался от стен смазанным.

Айрис сделала шаг внутрь — и остановилась.

— Что это? — спросила она.

— Слепая зона.

Она резко посмотрела по углам.

— Здесь нет камер?

— Есть.

— Тогда почему слепая?

— Потому что они видят хуже.

— Насколько хуже?

— Достаточно, чтобы сомневаться. Недостаточно, чтобы расслабиться.

Айрис обвела взглядом технический карман. Камеру она увидела не сразу: маленькая линза пряталась за трубой, наполовину закрытая старым креплением. Ещё одна, возможно, была в треснувшем плафоне, но Айрис не была уверена. Звук здесь тоже вёл себя странно: слова будто чуть запаздывали в воздухе и возвращались от стен не эхом, а смазанной тенью.

— Здесь можно говорить? — спросила она.

— Тише, — сказал Люциан. — Но не свободно.

— Опять твои прекрасные утешения.

— Это не утешение.

— Да я заметила.

Он прошёл дальше, к участку стены, где трубы образовывали странную нишу. Там было тесно, но не настолько, чтобы нельзя было стоять вдвоём. Люциан остановился первым и повернулся к ней.

— Слепая зона не значит, что тебя не видят.

— А что значит?

— Что Обсерватор не уверен, какую версию сможет продать.

Айрис хотела ответить. Но не смогла. Впервые за всё время её никто не торопил. Не было таймера, голоса Северина, новой двери, нового выбора. И именно в эту паузу её догнало всё остальное.

Её похитили. Она не помнила, как. Не знала, где находится. Не знала, сколько времени прошло снаружи. Не знала, ищет ли её кто-нибудь. Не знала, сколько людей уже смотрело, как она просыпается, бежит, ошибается, помогает — и как каждый раз её действия получают чужое название.

Айрис вдруг поняла, что всё это время держалась на ногах только потому, что падать всё время было некогда. Пальцы сами нашли холодную трубу у стены. Она сжала её, наклонилась вперёд и попыталась вдохнуть. Воздух вошёл плохо, коротко, будто грудная клетка стала слишком тесной.

— Айрис, — сказал Люциан.

Она резко подняла руку, не глядя на него.

— Не надо.

Он замолчал.

— Просто... — она сглотнула. — Только не говори сейчас ничего умного.

Он не сказал. И это оказалось хуже, потому что в тишине она слышала собственное дыхание. Рваное. Слишком громкое. Слишком живое.

Айрис зажмурилась. Перед глазами вспыхнуло сразу всё: красный огонёк первой камеры, хомут на запястьях, резак в руке, Тео в коридоре, бутылка воды, Кассия у стены, гончие во тьме, Мара за стеклом, чёрный экран, строка «РЕАКЦИЯ ОБЪЕКТА 03: ЗАФИКСИРОВАНА», Тео перед отдельной панелью, «ВЫ НЕ БЫЛИ ВЫБРАНЫ». Всё навалилось сразу. И хуже всего — всё это уже успело стать её жизнью.

— Я проснулась, — сказала Айрис тихо.

Люциан не перебил.

— Просто проснулась. Несколько часов назад. Или не несколько. Я даже этого не знаю. И с тех пор мне всё время говорят, что я уже что-то выбрала. Что я участвую. Что я стала объектом. Что я сделала Тео слабостью. Что я причинила боль тебе. Что я адаптируюсь.

Слово вышло почти с отворачиванием. Она сжала трубу крепче.

— А я даже не успела понять, что меня украли.

Она сказала это тихо. Тише, чем собиралась. Потому что в ней впервые не было действия. Ни злости. Ни вызова. Ни попытки выглядеть сильнее. Просто правда, которой наконец дали место.

Колени дрожали. Айрис ненавидела это. Даже без камер. Тело больше не верило её приказам. Оно наконец решило, что имеет право испугаться.

— Это нормально, — сказал Люциан.

Айрис открыла глаза.

— Что?

— Что тебя догнало.

Она усмехнулась, но звук вышел сломанным.

— Ты сейчас правда сказал мне, что паника — это нормально?

— Нет. Я сказал, что задержка нормальна. Паника пришла позже, потому что до этого ты всё время была занята тем,

чтобы не умереть.

Она смотрела на него, пытаясь понять, было ли это утешением. Похоже, мягче он не умел.

— И что мне теперь делать? — спросила она.

— Дышать.

— Гениально.

— Сначала это. Потом думать.

— А если я не могу?

— Тогда стой здесь, пока сможешь.

Он сделал шаг. Айрис напряглась, но Люциан не подошёл к ней. Вместо этого он сместился чуть левее, к трубе, так, будто просто выбирал место удобнее. Но через секунду она заметила: тень от его плеча легла между её лицом и линзой, спрятанной за креплением. Она подняла глаза.

— Ты меня закрыл?

— Я изменил ракурс.

Айрис на секунду закрыла глаза.

— Ты невозможен.

— Зато теперь им хуже видно твоё лицо.

Она хотела сказать, что ей всё равно. Но это было бы неправдой. Ей не было всё равно. После всего, что Обсерватор уже забрал, это маленькое, неловкое прикрытие оказалось важнее, чем Айрис хотела признать. Это не было спасением. Просто кусок тени между её лицом и чужим взглядом. И этого вдруг оказалось достаточно, чтобы воздух вошёл чуть глубже.

Айрис стояла так долго, что дыхание наконец стало тише. Не ровным. Нет. Просто уже не таким рваным. Она разжала пальцы на трубе и только тогда заметила, что под большим пальцем чувствуется не ржавчина. Царапина.

Она нахмурилась и провела по ней подушечкой пальца. Одна линия. Вторая. Третья. И ещё одна — длиннее, глубже, уходящая вниз под углом. Рядом был маленький перечёркнутый круг. Айрис замерла. Царапины были едва заметными. Если смотреть прямо — случайное повреждение старого металла. Если провести пальцем — знак. Ровный — не как случайная царапина. Намеренный.

— Люциан, — сказала она.

Он повернул голову. И отреагировал слишком быстро.

— Не трогай.

Айрис убрала руку.

— Ты знаешь, что это.

— Старое повреждение.

— Не ври.

Он молчал. Пауза закончилась. Айрис снова слышала вентиляцию. И собственное дыхание.

— Это Мара?

Лицо Люциана почти не изменилось. Но он слишком долго не отвечал.

— Не называй здесь это имя.

— Почему?

— Потому что даже если звук ломается, привычки у камер

остаются.

Айрис почувствовала, как по спине прошёл холод.

— Она оставляла метки.

— Не все были её.

— Но эта?

Люциан задержался на метке взглядом.

— Да.

Одно слово. И в нём было больше, чем во многих его объяснениях.

Айрис вернулась пальцами к царапинам. Три короткие линии. Одна длинная. Перечёркнутый круг. Значит, Мара была здесь. Не только в архиве Северина — здесь, у этой трубы, в пыли и ржавчине.

— Что это значит? — спросила она.

Люциан не сразу ответил.

— Задержка звука. Короткая. Две-три секунды. Круг — верхняя камера. Перечёркнутый значит не использовать её как ориентир.

Айрис посмотрела на него.

— Это карта.

— Нет.

— Это система меток.

— Была.

— Почему «была»?

Его взгляд стал жёстче.

— Потому что всё, что слишком долго помогает, Обсер-

ватор рано или поздно превращает в ловушку.

Айрис опустила глаза к царапинам.

— Она тоже смотрела не туда, куда показывали.

Пауза.

— Да, — сказал Люциан.

Тихо. Без защиты. Айрис почувствовала, как внутри что-то сдвинулось. Не жалость. Не доверие. До доверия всё ещё было слишком далеко. Но прежняя картинка — Мара как просто девушка за стеклом, как рана Люциана, как архивный нож Обсерватора — дала трещину. Мара была не только болью. Она оставляла знаки. Пыталась читать систему до Айрис. Возможно, она тоже однажды стояла здесь, держалась за эту трубу и заставляла себя дышать.

— Почему ты не сказал? — спросила Айрис.

— Что?

— Что она не просто

Она не договорила. Жертва. Имя. Запись. Люциан понял.

— Потому что ты не спрашивала это.

Айрис резко посмотрела на него.

— А если бы спросила?

— Я бы не ответил.

— Конечно.

— Не из жестокости.

— А из чего?

Люциан посмотрел в сторону камеры за трубой.

— Пока Мара для тебя только запись, ты удержишь дистан-

цию. Если она станет примером, ты начнёшь идти по её следу.

Айрис замолчала. Эта фраза задела сильнее, чем должна была.

— Ты боишься, что я повторю Мару?

— Нет.

— Люциан.

Он посмотрел на неё.

— Я боюсь, что Обсерватор захочет, чтобы ты повторила Мару.

Где-то в стене коротко щёлкнул динамик. Не чисто, как обычно. С помехой. Голос Северина появился не сразу, будто пробивался через слой воды.

— Объект 27 демонстрирует интерес к устаревшим повреждениям инфраструктуры.

Айрис застыла. Люциан схватил её не за руку, а за рукав — быстро, резко, почти без прикосновения к коже — и потянул чуть в сторону, дальше от трубы.

— Не смотри на метку.

— Они слышали?

— Нет.

— Тогда откуда знают?

— Ты смотрела слишком долго.

Сердце ударило сильнее. Северин снова заговорил. Звук распался на секунду, потом собрался.

— Слепые участки требуют переоценки.

На маленькой панели у двери вспыхнули строки:

СЛЕПАЯ ЗОНА: ПЕРЕОЦЕНЕНА

ОБЪЕКТ 27: РИСК КАРТОГРАФИРОВАНИЯ

ОБЪЕКТ 03: НЕСАНКЦИОНИРОВАННАЯ ПЕРЕ-

ДАЧА КОНТЕКСТА

РЕКОМЕНДАЦИЯ: СМЕНИТЬ МАРШРУТЫ

Айрис смотрела на текст и чувствовала: пауза закончилась. Обсерватор снова нашёл их.

— Они теперь уберут это место?

— Не сразу.

— Почему?

— Потому что захотят узнать, что ещё ты увидишь.

— Значит, это ловушка.

— Теперь — да.

— А до этого?

Люциан посмотрел на метку.

— До этого они были уверены, что здесь ничего важного не осталось.

Айрис вдруг поняла: именно так здесь и выглядела надежда. Не как дверь. Не как оружие. Как ошибка. Маленькая погрешность в системе, которая привыкла считать себя точной.

Люциан пошёл к выходу.

— Нам нужно уйти.

Айрис не двинулась сразу. Она смотрела не на первую метку теперь. Не на три короткие линии, не на длинную, не на перечёркнутый круг. После слов Северина она заставила

себя смотреть ниже, вдоль трубы, туда, куда камере было хуже всего заглянуть из-за ржавого крепления.

Там, у самого пола, под слоем пыли и старой краски, была ещё одна царапина. Не знак. Буквы. Такие мелкие, что их нельзя было прочесть, не наклонившись. Айрис не наклонилась. Только опустила руку, будто поправляла бинт, и провела пальцами по стене. Пыль осталась на коже. Под ней проступили неровные линии.

НЕ ВЕРЬ ГОЛОСУ.

СМОТРИ НА ЗАДЕРЖКУ.

Айрис удержала дыхание и не подняла глаз. Она просто закрыла пальцы, стирая пыль с букв, и выпрямилась.

— Айрис, — сказал Люциан.

Она повернулась к нему. Он смотрел внимательно. Слишком внимательно.

— Что?

— Ты увидела что-то ещё?

На секунду ей захотелось сказать. Показать. Попросить объяснить.

Но она вспомнила экран с Тео. Вспомнила, как Обсерватор взял помощь и назвал её отказом. Вспомнила, как её вопрос про Мару стал ножом в руке системы. Вспомнила, что даже Люциан, стоящий между её лицом и камерой, всё равно был частью Обсерватора — наставником, Фаворитом, поддержкой её смерти, человеком, который знал больше, чем говорил. И впервые с момента пробуждения Айрис решила

не отдавать найденное сразу.

— Нет, — сказала она.

Люциан смотрел на неё ещё секунду. Потом кивнул. Он не поверил. И всё равно не стал спрашивать. За это Айрис была ему странно благодарна.

Они вышли из слепой зоны обратно в коридор. Свет снова стал ровным. Холодным. Правильным. На полу загорелась серая линия, указывая путь. Где-то далеко включилась дверь. Серый маршрут снова вёл их туда, где камеры видели лучше. Айрис шла за Люцианом и чувствовала на пальцах пыль из царапины.

НЕ ВЕРЬ ГОЛОСУ.

СМОТРИ НА ЗАДЕРЖКУ.

Слова были крошечными. Едва стёртыми. Оставленными так низко, что камера могла принять их за грязь, а человек — заметить только если однажды остановится достаточно надолго, чтобы перестать бежать.

Айрис сжала руку в кулак. Люциан шёл впереди, но больше не казался ей единственным человеком, который умеет читать Обсерватор. Кто-то уже читал его до них. Кто-то боялся, дышал, ошибался, оставлял следы. Кто-то пытался объяснить будущему незнакомцу: не слушай то, что говорит голос. Смотри туда, где запись запаздывает.

С момента пробуждения она впервые нашла в Обсерваторе что-то, что не было ни ловушкой, ни подачкой, ни чужим сценарием.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.